

бернар
[верббер]

:танатонавты

NEW EDITION

«Эти господа — летчики-испытатели, которые отправляются на тот свет... **Та-на-то-нав-ты**. От греческого «танатос» — **смерть** и «наутис» — **мореплаватель**. Танатонавты».

В жизнь Мишеля Пэнсона — врача-реаниматолога и анестезиолога — без предупреждения врывается друг детства Рауль Разорбак: *«Кумир моей юности начал воплощать свои фантазии, а я не испытывал ничего, кроме отвращения. Я даже думал, не сдать ли его в полицию...»*

Что выберет Мишель — здравый смысл или Рауля и его сумасбродство? Как далеко он сможет зайти? Чем обернется его решение для друзей, любимых, для всего человечества? Этот проект страшен, но это грандиозная авантюра, это приключение!

Эта книга меняет представления о рождении и смерти, любви и мифологии, путешествиях и возвращениях, смешном и печальном.

Роман культового французского писателя, автора мировых бестселлеров «Империя ангелов», «Последний секрет», «Мы, боги», «Дыхание богов», «Тайна богов», «Отец наших отцов», «Звездная бабочка», «Муравьи», «День муравья», «Революция муравьев», «Наши друзья Человеки», «Древо возможного», «Энциклопедия Относительного и Абсолютного знания»...

Бернард Вербер
Танатонавты

Королеве

ТАНАТОНАВТ, суц. муж. р. (от греч. *thanatos* — смерть и *nautis* — мореплаватель).
Разведчик смерти.

Даты для запоминания

- 1492 г. — первые шаги на американском континенте.
- 1969 г. — первые шаги на Луне.
- 2062 г. — первые шаги на Континенте Мертвых.
- 2068 г. — первые публикации о пути к реинкарнации.

Из учебника для 2 класса

Эпоха первая
Мастера на все руки

1. Учебник истории

Когда-то все люди боялись смерти. Она напоминала о себе каждую секунду, как постоянный шумовой фон. Все знали, что рано или поздно им придется кануть в небытие, и это отравляло любую радость.

Вуди Аллен, американский философ конца XX века, так описал царившие тогда настроения: «Пока человек смертен, он до конца не расслабится».

Учебник истории, вводный курс для 2 класса

2. Личный дневник Мишеля Пэнсона

Есть ли у меня право об этом говорить?

Даже сейчас — а ведь сколько времени прошло! — мне трудно поверить, что все так и было. Трудно поверить, что я участвовал в такой грандиозной эпопее. Мне трудно поверить, что я выжил и могу о ней рассказать.

Похоже, никто не предполагал, что все случится так быстро и зайдет так далеко. Что нас толкнуло на это? Не знаю. Может, глупость, которую называют любопытством? Именно любопытство заставляет заглянуть в пропасть и представить, каким жутким будет падение, стоит только сделать шаг вперед...

А может, все дело в желании почувствовать вкус приключения в этом обленившемся и скучном мире?

Кое-кто говорит: «Так было предначертано, это должно было случиться». Ну, не знаю, я не верю в предначертанность. Я верю, что у людей есть выбор. Именно он и определяет судьбу, а может стать, человеческий выбор определяет и саму Вселенную.

Я помню все, каждый эпизод, каждое слово, каждое событие этого великого приключения.

Есть ли у меня право обо всем рассказать?

Орел: расскажу. Решка: сохраню в тайне.

Орел.

Что ж, если нужно вернуться к самому началу, мне придется заглянуть далеко-далеко назад, в свое прошлое...

3. Полицейское досье

Фамилия: Пэнсон

Имя: Мишель

Цвет волос: шатен

Глаза: карие

Рост: 175 см

Особые приметы: нет

Примечание: пионер движения танатонавтов

Слабое место: недостает уверенности в себе

4. Для Дюпона нет препоны

Как и у каждого ребенка, у меня тоже был день «С», день, когда я узнал о Смерти. Мой первый мертвец оказался вполне обычным человеком, хоть и привыкшим жить среди трупов. Это был господин Дюпон, наш мясник. На витрине огромными буквами красовался его девиз: «Для Дюпона нет препоны». Однажды утром мать сказала, что не купила вырезку к воскресному обеду, потому что господин Дюпон умер. Его придавило сорвавшейся с крюка тушей белой шаролейской коровы.

Мне было тогда года четыре. Я тут же спросил, что значит это слово: «У.М.Е.Р.».

Мать смутилась и отвела глаза, как в тот раз, когда я поинтересовался, не помогут ли мне от кашля противозачаточные пилюли.

— Ну... э-э... «умер» — это значит, что его здесь больше нет.

— Все равно что вышел из комнаты?

— Не только из комнаты. Из дома, города, страны.

— Ага, далекое путешествие? Как на каникулы?

— Э-э... нет, не совсем так. Потому что, когда человек умирает, он больше не двигается.

— Не двигается, но далеко уезжает? Обалдеть! Как это?

Пожалуй, как раз эта неудачная попытка объяснить кончину мясника Дюпона и сохранила во мне любопытство, на котором — гораздо позднее — взошли семена фантазий, посеянных Раулем Разорбаком.

Во всяком случае, мне так кажется.

Рассказывают, что три месяца спустя, когда пришло известие о том, что умерла моя прабабушка Аглая, я воскликнул: «И она тоже?! Ничего себе, вот уж не думал, что она на это способна!» Рассвирепевший, дико вращающий глазами прадедушка выкрикнул фразу, которую я никогда не забуду:

— Ты что, не знаешь? Смерть — самое страшное, что только может случиться!

Нет. Этого я не знал.

— Ну... я думал, что... — стал мямлить я.

— С этим не шутят! — добавил он, вколачивая слова, как гвозди. — Если есть на свете то, с чем никто не шутит, так это смерть!

Потом эстафету принял отец. Все они хотели мне втолковать, что смерть — это абсолютное табу. О ней не говорят, не вспоминают, а если и произносят ее имя, то со страхом и почтением. И нельзя упоминать это слово всуе, потому что это, дескать, приносит несчастье.

Меня трясли и пихали.

— Твоя прабабушка умерла. Это ужасно. Если б ты не был таким бессердечным, ты бы плакал!

К рассвету мой братец Конрад наревел целую лужу — как из половой тряпки, если ее выжать.

Значит, нужно плакать, когда люди умирают? Мне никто ничего такого не говорил. Могли бы и предупредить!

Отец, раздраженный моей несовершеннолетней наглостью, отвесил мне пару оплеух. Он надеялся, что это поможет мне запомнить, что, во-первых, «смерть — это самое страшное, что только может случиться», и, во-вторых, что «с этим не шутят».

— Ты почему не плачешь? — опять стал приставать отец, вернувшись с похорон прабабушки Аглаи.

— Оставь его в покое! Мишелю пяти еще нет, он даже не знает, что такое смерть, —

пыталась заступиться мать.

— Отлично знает! Только думает, что чужая смерть его не касается. Когда мы с тобой умрем, он и слезинки не проронит!

Вот так я начал понимать, что со смертью не шутят. Впоследствии, когда мне сообщали о чьей-то кончине, я изо всех сил старался думать о чем-нибудь печальном... о вареном шпинате, например. Слезы появлялись сами собой, и все были довольны.

Потом у меня состоялась более близкая встреча со смертью. Когда мне было семь лет, я сам умер. Это произошло в феврале, в ясный чистый день. Январь в том году был очень мягкий, а за мягким январем довольно часто наступает солнечный февраль.

5. Где герой в конце умирает

— Осторожно!

— Да что ж он...

— Господи!

— Смотри! Куда ты бе...

— Не-е-т!!!

Долгий скрип тормозов. Глухой и мягкий звук удара. Я бегу за мячом, который выкатился на дорогу, и бампер зеленой спортивной машины поддает мне точно под колени, где самая нежная кожа. Ноги отрываются от земли. Меня подбрасывает в небо.

Воздух свистит в ушах. Я лечу выше солнца. Свежий ветер врывается в мой распахнутый рот. С земли, далеко внизу, на меня уставились испуганные зеваки.

Увидев, что я взмываю ввысь, какая-то женщина начинает кричать. Кровь сбегает по моим штанам и собирается в лужу на асфальте.

Все как в замедленной съемке. Я лечу вровень с крышами и разглядываю силуэты, снующие в мансардах. И тут впервые в моей голове проскакивает вопрос, над которым я так часто думал потом: «Чем это я тут занимаюсь?»

На долю секунды повиснув в небе, я понял, что ничего не понимал.

Кто я?

Откуда я?

Куда я иду?

Вечные вопросы. Каждый когда-нибудь задаст их себе. Я задал их в минуту смерти.

Взлетел я очень быстро и так же быстро упал. Ударился плечом о капот зеленой спортивной машины. Отскочил и врезался головой в бордюрный камень. Треск. Глухой удар. Надо мной склонились перепуганные лица.

Я хотел что-то сказать, но не мог ни заговорить, ни пошевелиться. Солнечный свет начал медленно угасать. Впрочем, в феврале солнце еще неяркое. Похоже, мартовские дожди не за горами. Небо постепенно гасло. Вскоре я оказался в темноте и тишине. Исчез запах, отключилось осязание. Потом — ничего. Занавес.

Мне было семь. И я умер в первый раз.

6. Реклама

«Жизнь прекрасна. Не слушайте болтунов. Жизнь прекрасна. Жизнь — это продукт, который проверили и одобрили шестьдесят шесть миллиардов человек на протяжении трех миллионов лет. Это доказывает ее превосходное качество».

Обращение НАПрЖ

(Национального агентства по пропаганде жизни)

7. Учебник истории

До появления танатонавтики смерть была одним из главных табу человечества. Чтобы эффективнее бороться с ней, люди прибегали к уловкам, которые мы называем предрассудками. Так, например, некоторые полагали, что металлическая фигурка святого Христофора, подвешенная над приборной доской автомобиля, повышает шансы не погибнуть в дорожно-транспортном происшествии.

До XXI столетия бытовала шутка: «Чем крупнее святой Христофор, тем больше у водителя шансов выбраться из-под него при аварии».

Учебник истории, вводный курс для 2 класса

8. Где герой мертв меньше, чем можно было подумать

Да погодите же. Ведь ничего ужасного не случилось.

Прадедушка был неправ. Умереть не так уж страшно. Просто ничего не происходит, вот и все.

Очень долго была только тьма и тишина.

Наконец я открыл глаза. Передо мной маячил расплывчатый светлый силуэт. Ангел, ясное дело.

Ангел склонился надо мной. Странно, но он был похож на женщину, прекрасную женщину, каких вы никогда не увидите на Земле.

Блондинка, с карими глазами. Абрикосовый запах духов.

Вокруг все было белое и торжественное.

Должно быть, я оказался в раю, потому что ангел мне улыбнулся.

— Ак... ы... бя... ю... те.

Видимо, ангел говорил со мной на своем языке. Неангелы его не понимают.

— У... ас... ет... атуры.

Она терпеливо повторила это и коснулась моего лба прохладной рукой.

— У вас... нет... температуры.

Я с недоумением огляделся.

— Вы меня понимаете? У вас нет температуры.

— Где я? В раю?

— Нет. В реанимационном отделении больницы Святого Людовика.

Ангел стал меня успокаивать:

— Вы не умерли. Просто несколько ушибов. Вам повезло, что капот машины смягчил удар.

Только одна серьезная рана под коленкой.

— Я был без сознания?

— Да, три часа.

Я был без сознания три часа и ничего об этом не помнил! Ни малейшей мысли или ощущения. Три часа ничего не было.

Медсестра подложила мне под спину подушку, чтобы я мог сесть поудобнее. Может, я и был мертв целых три часа, но мне от этого не было ни жарко ни холодно.

Пришли родственники, и у меня дико разболелась голова. Они все были такие ласковые, глаза на мокром месте, будто я и впрямь был готов вот-вот испустить последний вздох. Все они были уверены, что я находился в большой опасности. «Мы страшно волновались», — говорили они. Казалось, что родственники даже немного разочарованы, что я выкарабкался. Вот если б я умер, они бы всю жалели меня. В их глазах я тут же стал бы образцовым ребенком.

9. Полицейское досье

На запрос по поводу психических качеств гражданина Мишеля Пэнсона

Объект в целом выглядит нормальным. Вместе с тем наблюдается определенная хрупкость психики, обусловленная чрезмерно строгой обстановкой в доме. Объект постоянно испытывает сомнения. Для него всегда прав тот, кто высказывается последним. Игнорирует свои желания. Не понимает современности. Налицо легкие параноидальные тенденции.

Обратить особое внимание: родители не сообщили указанному лицу, что он был усыновлен в младенчестве.

10. Стервятник

Эта первая экскурсия по ту сторону жизни не научила меня ничему особенному о смерти, если не считать того, что она еще долго была источником беспокойства для нашей семьи.

К восьми-девяти годам эта тема стала интересовать меня больше, но на этот раз речь шла о смерти других. Надо пояснить, что хочешь не хочешь, а каждый вечер по телевизору, в двадцатичасовом блоке новостей, говорили о смерти. Сначала об убитых на какой-нибудь войне. Они были в зеленой или красной форме. Потом о тех, кто умер по дороге на курорт: эти были в пестрой, яркой одежде. И наконец, о покойниках-знаменитостях в шикарных костюмах.

В телевизоре все проще, чем в жизни. Сразу понятно, что смерть — вещь печальная, потому что картинки сопровождалась похоронной музыкой. Телевидение доступно даже младенцам и дебилам. Погибшим на войне полагалась симфония Бетховена, курортникам — концерт Вивальди, а умершим от передозировки «звездам» — тягучие виолончели Моцарта.

Я заметил, что после кончины таких «звезд» продажи их дисков тут же подскакивали, их фильмы вновь и вновь мелькали на телеэкранах, и весь свет превозносил покойников, будто смерть стирала все их прегрешения. Более того, уход из жизни не мешал артистам работать. Лучшие диски Джона Леннона, Джимми Хендрикса или Джима Моррисона появились на рынке спустя немало времени после их смерти.

На следующих похоронах я оказался, когда умер дядя Норбер. «Замечательный человек», — убеждали друг друга участники похоронного кортежа. Между прочим, там же я впервые услышал знаменитое высказывание: «Лучшие всегда уходят первыми». Мне не было еще восьми, но я никак не мог избавиться от мысли: «Что же получается, вокруг остались только плохие?!»

На этот раз я вел себя безупречно. Когда ушел почетный караул, я сосредоточился на вареном шпинате и анчоусах. Даже братец Конрад и тот не смог переплюнуть меня.

Прибыв на кладбище Пер-Лашез, я добавил в меню для рыданий спаржу и телячьи мозги с горошком. Ну и гадость! Кто-то прошептал: «Я и не знал, что Мишель был так близок с дядей Норбером». Мать заметила, что это тем более поразительно, что я никогда его не видел. Это не помешало мне открыть рецепт успешных похорон: шпинат, анчоусы, спаржа и телячьи мозги.

Это был замечательный день, ведь я, помимо всего прочего, именно тогда впервые встретился с Раулем Разорбаком.

Мы собрались у могилы покойного дядюшки Норбера, и тут чуть в стороне я заметил то, что сначала показалось мне стервятником, сидящим над гробницей. Это был Рауль.

Улучив минуту, когда за мной никто не следил, — в конце концов, свою норму слез я выдал, — я приблизился к мрачной фигуре. Долговязый парень одиноко сидел на могильном камне, уставившись в небо.

— Здравствуйте, — вежливо произнес я. — Что вы здесь делаете?

Молчание. Вблизи стервятник оказался худым мальчишкой с осунувшимся скуластым лицом, в очках в черепаховой оправе. Тонкие, изящные руки лежали на его коленях, как два притаившихся паука, ожидающих приказа повелителя. Мальчишка опустил голову и посмотрел на меня спокойным и глубоким взглядом, которого я никогда не встречал у ровесников.

Я повторил вопрос:

— Ну так что же вы тут делаете?

Рука-паук взметнулась и уткнулась в длинный и прямой нос.

— Можно на «ты», — торжественно объявил он. И пояснил: — Сижу вот на могиле отца. Пытаюсь понять, что он мне говорит.

Я расхохотался. Он помедлил, а потом сам стал смеяться. А что еще остается делать, кроме

как смеяться над тощим мальчишкой, часами сидящим на могильном камне и глазающим на плывущие облака?

— Тебя как зовут?

— Рауль Разорбак. Можешь звать просто Рауль. А тебя?

— Мишель Пэнсон. Зови меня просто Мишель.

Он смерил меня взглядом.

— Пэнсон? Хорош птенчик!^[2]

Я попытался сохранить невозмутимость. Была у меня одна заготовка на такие деликатные случаи.

— Сам такой!

Он опять засмеялся.

11. Полицейское досье

Фамилия: Разорбак

Имя: Рауль

Цвет волос: шатен

Глаза: карие

Рост: 190 см

Особые приметы: носит очки

Примечание: пионер движения танатонавтов

Слабое место: чрезмерная самоуверенность

12. Дружба

Каждую среду после обеда мы с Раулем стали встречаться на кладбище Пер-Лашез. Мне очень нравилось шагать рядом с его худющей фигурой. И у него всегда было полно разных фантастических историй.

— Мы родились слишком поздно, Мишель.

— Это почему?

— Потому что все уже изобретено, все исследовано. У меня была мечта изобрести порох или электричество, или еще лучше — первым изготовить лук и стрелы. Но мне достался пшик. Все уже пооткрывали. Жизнь идет быстрее научной фантастики. Нет больше изобретателей, остались одни последователи. Люди, которые совершенствуют то, что уже давно открыто другими. Теми самыми людьми, которые, как сказал Эйнштейн, испытали фантастическое чувство, лишая невинности новые вселенные. Ты представляешь, как у него кружилась голова, когда он понял, как рассчитать скорость света?!

Нет, этого я не представлял.

Рауль расстроено посмотрел на меня.

— Мишель, тебе надо больше читать. Люди делятся на две категории: на тех, кто читает книги, и тех, кто слушает тех, кто читает. Лучше принадлежать к первым, я так полагаю.

Я ответил, что он говорит ну в точности как книжка, и мы оба рассмеялись. Каждому своя роль: Рауль излагал всякие факты, я шутил, потом мы оба хохотали. Часто мы смеялись вообще безо всякого повода, просто так, до коллик в животе.

Как ни крути, а Рауль прочел целые горы книг. Между прочим, именно он привил мне вкус к чтению, познакомив с авторами, известными как «писатели иррационального»: Рабле, Эдгар Аллан По, Льюис Кэрролл, Герберт Уэллс, Жюль Верн, Айзек Азимов, Герберт Франке, Филипп Дик.

— Писатели иррационального? Да ведь таких нет! — объяснял Рауль. — Большинство писателей воображают, что либо их никто не понимает, либо они выглядят интеллектуалами. Разгоняют предложения на двадцать строк. Получают литературные премии, а потом люди покупают их книжки для украшения гостиных, чтобы знакомые думали, что они тоже интеллектуалы. Да я и сам листал книжки, в которых ничего не происходит. Вообще ничего. Приходит некто, видит красивую женщину, начинает ее обхаживать. Она ему говорит, что не знает, будет она с ним спать или нет. К концу восьмисотой страницы она решает-таки дать ему категорический отказ.

— Но какой интерес писать книжки, где вообще ничего не происходит? — спросил я.

— Им просто не хватает воображения. Отсюда и берутся биографии и автобиографии, документальные, художественные, всякие... Писатели, неспособные придумать новый мир, могут описать лишь свой собственный, каким бы скудным он ни был. Даже в литературе не осталось больше изобретателей. И что же? Не обладая глубиной, писатели изощряются в стиле, полируют форму. Опиши на дюжине страниц свои страдания из-за фурункула, и у тебя появятся шансы получить Гонкуровскую премию...

Мы ухмыляемся.

— Поверь мне, если бы гомеровская «Одиссея» была написана сегодня, она бы не вошла в список бестселлеров. Ее бы причислили к фантастике и триллерам. И читали бы ее только такие, как мы, ради историй о циклопах, волшебниках, сиренах и прочих чудесах.

Рауль от рождения был одарен редкой способностью судить обо всем самостоятельно. Он не повторял идеи, навязываемые телевизором или газетами. Что меня к нему влекло, так это его

свобода духа, сопротивление всякому влиянию. Этим он был обязан своему отцу — профессору философии, как подчеркивал Рауль, — который привил ему любовь к книгам. Рауль читал почти по целой книге в день. В основном фэнтези и научную фантастику.

— Секрет свободы, — любил говорить он, — в библиотеке.

13. Следите за своими внутренностями!

Как-то в среду после обеда, когда мы сидели на скамейке и молча созерцали облака, плывущие над кладбищем, Рауль достал из портфеля толстую тетрадь и показал мне страницу, которую, должно быть, выдрал из книги про античную мифологию.

На ней была картинка, изображавшая древнеегипетскую барку с разными фигурками.

Он объяснил:

— В центре лодки — Ра, бог солнца. Перед ним на коленях стоит умерший. А это еще два божества: Изида и Нефтида.левой рукой Изида показывает направление, а в правой держит анкх^[3], символ Вечности, которая ожидает путешественника в загробном мире.

— Египтяне верили в загробный мир?

— Ясное дело. А вот тут, в левом углу, Анубис с головой шакала. Он сопровождает покойника, у него в руке урна с его желудком и кишками.

Меня чуть не вырвало.

Рауль заговорил профессорским тоном:

— «Мертвые должны бдить, чтобы никто не украл их внутренности», — гласит древнеегипетская поговорка. — Он перевернул страницу и стал объяснять дальше. — Вот еще один мертвец залезает на барку. Его встречает либо Ра собственной персоной, либо свинья. Свинья пожирает души проклятых и отправляет в царство смерти, где жестокие палачи терзают их крючковатыми пальцами с длинными и острыми когтями.

— Вот ужас!

Рауль посоветовал мне воздержаться от поспешных выводов.

— Если же Ра лично соблаговолит встретить мертвеца, все будет хорошо. Покойник займет место рядом с божествами, и барка заскользит по реке, увлекаемая длинной веревкой, которая есть не что иное, как живой змей.

— Здорово!

Рауль закатил глаза. Я начал утомлять его своими восторгами, которые тут же сменялись ужасом. Тем не менее он продолжал. Ведь я был его единственным слушателем.

— Этот змей — добрый, он отпугивает врагов света и старается изо всех сил. Но есть еще один злобный гад, Апоп. Это воплощение Сета, бога зла. Апоп обвивается вокруг барки и пытается ее опрокинуть. Время от времени он выскакивает из воды и плюется огнем. Он плавает кругами и поднимается из пучины, чтобы слопать перепуганную душу. Если все окончится благополучно, лодка мертвых продолжит путь по подземной реке, пересекающей дюжину нижних миров. В пути их поджидает множество опасностей. Нужно миновать врата преисподней, обойти стороной водяных чудовищ, спастись от летающих демонов. Но если мертвец сумеет пройти все испытания, он...

К моему великому огорчению, Рауль на этом умолк.

— Продолжим на следующей неделе. Уже семь, моя мать сейчас начнет волноваться.

Мое разочарование его рассмешило.

— Всему свое время. Не будем торопиться.

Следующей ночью мне впервые приснилось, будто я лечу сквозь облака. Лечу словно птица. Я сам стал птицей. И я лечу, лечу... Вдруг, огибая облако, я вижу женщину, одетую во все белое. Она сидит на облаке и очень красива, она юная и стройная. Я приближаюсь и вижу, что она закрывает лицо маской. Еще ближе, и я вздрагиваю от ужаса. Это не маска, это череп: зияющие глазницы, застывший в гримасе безгубый рот...

Я проснулся весь в поту, соскочил с кровати, помчался в ванную и сунул голову под

холодную воду, чтобы смыть этот кошмар.

На другой день за завтраком я спросил у матери:

— Мам, ты веришь, что можно летать, как птица?

Она бросила на меня странный взгляд. Уж не спятил ли я после того случая с машиной?

— Хватит болтать ерунду. Ешь свою кашу.

14. Мифология месопотамии

Гильгамеш! Куда ты стремишься?
Жизни, что ищешь, не найдешь ты!
Боги, когда создавали человека, —
Смерть они определили человеку,
Жизнь в своих руках удержали^[4].

«Сказание о Гильгамеше».

Отрывок из работы Фрэнсиса Разорбака

«Эта неизвестная смерть»

15. У Рауля не все дома

Всякий раз встречаясь на кладбище Пер-Лашез, мы говорили с Раулем о смерти. Ну, то есть Рауль говорил, а я только слушал. Ничего нездорового, грязного или там скабрезного в этих разговорах не было. Мы просто обсуждали смерть как некий интересный феномен, точно так же, как могли бы говорить об инопланетянах или мотоциклах.

— А мне тут сон приснился, — сообщил я.

Я хотел рассказать ему о той женщине в белом атласном платье, с черепом вместо головы, которая сидела на небе, но не успел. Рауль тут же меня перебил:

— Да-да, у меня тоже был сон. Я сделал огненную колесницу. Взобрался на нее, и пылающие кони понесли меня к солнцу. Нужно было пройти сквозь кольца огня, чтобы добраться до звезд, и чем дальше я летел сквозь эти самые кольца, тем глубже проникал я в суть вещей.

Уже позднее я осознал, что вовсе не случайно Рауля интересовала смерть. Как-то вечером, вернувшись из школы, он направился в туалет и увидел там висевшего над унитазом отца. Фрэнсис Разорбак преподавал философию в парижском лицее Жана Жореса.

Неужели он узнал нечто настолько интересное о том свете, что пожелал покинуть этот?

Именно так и считал Рауль. Его отец умер вовсе не от горя или чтобы кому-то досадить. Он умер, чтобы постичь тайну. В течение многих месяцев отец моего друга работал над диссертацией, которая называлась «Эта неизвестная смерть».

Без сомнения, Фрэнсис Разорбак обнаружил нечто очень важное, так как, прямо перед тем как повеситься, бросил свою книгу в огонь. Когда Рауль нашел тело отца, обугленные листы еще летали в каминной трубе. Уцелело лишь около сотни страниц, где говорилось об античной мифологии и культуре мертвых.

Рауль ни на минуту не переставал обо всем этом думать. Что же такое важное раскопал его отец? Что вообще собирался он отыскать в смерти?

В день похорон Рауль не плакал. Но ему никто не делал замечаний. Ни малейшего упрека. Слышно было только: «Бедняжка так потрясен самоубийством отца, что даже плакать не может». Если бы я знал это раньше, то не усердствовал бы так с телячьими мозгами и вареным шпинатом.

Едва отца похоронили, как отношение матери к Раулю полностью переменялось. Она исполняла все его капризы. Покупала любые игрушки, книги и газеты, какие он только требовал. Он был полным хозяином своего времени. Моя мать убеждала меня, что Рауль просто-напросто избалованный мальчишка, потому что, во-первых, он единственный ребенок в семье, а во-вторых, остался без отца. Я бы и сам хотел стать избалованным мальчишкой, даже если для этого пришлось бы пожертвовать семьей.

Мне вообще ничего не разрешали.

— Ты что, все еще водишься с этим Разорбаком? — как-то спросил отец, раскуривая очередную сигару, распространяющую зловоние метров на тридцать вокруг.

— Да, он мой лучший друг!

— Ну-ну, видно, что ты не умеешь друзей выбирать, — заметил отец. — Ясно же, что этот парень псих.

— Это почему?

— Не прикидывайся дурачком. Его папаша повесился. С такой наследственностью только и остается, что с катушек съехать. Да к тому же мать не работает и живет припеваючи на пенсию. Это все не то. Тебе надо нормальных людей держаться.

— Рауль нормальный, — убеждал я отца.

Тут подлый братец Конрад решил, что самое время подлить масла в огонь.

— Самоубийство — болезнь наследственная. Дети самоубийц и сами к этому склонны, вроде детей из разведенных семей, которые потом тоже сами разваливают свой брак.

Все сделали вид, что не слышали, что сказал мой братец-кретин. Эстафету приняла мать.

— Ты считаешь, это нормально — часами торчать на кладбище?

— Мам, ну послушай, это же его личное время, что хочет, то и делает. Кому он мешает?

— Ты его еще и защищаешь! Оба вы хороши! Он тебя таскает на кладбище и разглагольствует там посреди надгробий, прости Господи!

— Ну и что?

— А то, что беспокоить мертвых не к добру. Их надо оставить в покое, — встрял Конрад, всегда готовый утопить ближнего.

— Конрад — кретин! Конрад — кретин! — заорал я и врезал ему по башке.

Мы покатались по полу. Отец решил дождаться, когда братец даст мне сдачи, а уж потом стал нас разнимать. Ждал он, однако, не долго, чтобы не дать мне времени как следует отлупить Конрада.

— А ну тихо, сорванцы, не то я сам надеру вам уши. Конрад прав. Таскаться по кладбищам — не к добру.

Отец выпустил облако сигарного дыма, надсадно закашлял и добавил:

— Что, мало других мест для разговоров? Кафе, парки, спортивные клубы... Кладбища — для мертвых, а не для живых.

— Но пап...

— Мишель, ты меня уже достал. Хватит умничать, или схлопочешь.

Я только что получил пару оплеух и захныкал, чтоб избежать новой затрещины.

— Ну вот, оказывается, умеешь плакать, когда хочешь, — насмешливо заметил отец.

Конрад сиял. Мать приказала мне отправляться к себе в комнату.

Вот так я начал понимать, как устроен мир. Надо оплакивать мертвых. Слушаться родителей. Соглашаться с Конрадом. Нельзя строить из себя умника и слоняться по кладбищам. Надо выбирать нормальных друзей. Самоубийство — наследственная и, возможно, заразная болезнь.

В полумраке комнаты, с соленым привкусом слез во рту, я вдруг ощутил себя совсем одиноким. В тот вечер — щека еще горела от пощечины — я пожалел, что не родился в мире, где было бы не так много ограничений.

16. Сколько весит перышко

— Покойник должен пройти сквозь врата царства мертвых, спастись от водяных чудовищ и летучих демонов. Тогда он вновь предстанет перед Осирисом, верховным судьей, в подчинении у которого сорок два божества. Во время исповеди умерший должен доказать чистоту своей души. Он сообщает, что не грешил при жизни, и говорит так:

Я не творил беззаконий.

Я не причинил насилия ни одному человеку.

Я не произносил лжи.

Я не изрекал богохульств.

Я не притеснял бедняков.

Я не совершал богопротивных деяний.

Я не очернял раба в глазах его хозяина.

Я не прелюбодействовал среди священных мест.

Я не страдал от голода.

Я не заставлял других плакать.

Я не убивал.

Я не приказывал убивать.

— А он может говорить что хочет? Врать, например? — спросил я Рауля.

— Да. У него есть право лгать. Боги задают ему вопросы, а он их обманывает. Однако задача не очень проста, потому что богам многое известно. Это вообще для них обычное дело.

— А потом?

— Если он пройдет это испытание, то начнется второе судилище, на этот раз с участием новых богов.

Тут Рауль умолк на минуту, чтобы я немножко помучился от нетерпения.

— Там есть Маат, богиня правосудия, и Тот, бог мудрости и науки, с головой ибиса. Он записывает признания умершего на табличке. Потом приходит Анубис, бог с головой шакала, а в руке у него огромные весы, чтобы взвешивать душу.

— Как же можно взвесить душу?

Рауль проигнорировал этот вопрос, который напрашивался сам собой, нахмурился, перевернул страницу и продолжил:

— На одну чашу весов Анубис кладет сердце покойника, на другую — перышко. Если сердце легче, чем перышко, то мертвеца признают невиновным. Если же тяжелее, то покойника скармливают богу с телом льва и головой крокодила, которому поручено пожирать все души, недостойные Вечности.

— И что же ожидает... как его... победителя?

— Освободившись от груза жизни, он сливается с солнечным светом.

— Вот это да!

— Там его поджидает Хепри, бог с головой жука-скарабея из чистого золота. И там он завершает путь. Затем оправданная душа познает вечные радости. Ей поют гимн победителей, преуспевших на дорогах земли и на том свете. Вот послушай.

Рауль взобрался на могильный камень, поднял лицо к щербатой луне и ясным голосом принялся декламировать древние слова:

Оборваны пути. Бросаю на землю

Все зло, что во мне обреталось.
Могучий Осирис! Узри меня, молю!
Лишь только сейчас я рождаюсь!

На этом Рауль закончил лекцию по древней мифологии. Он завершил свой подвиг, и на его лбу блестели капли пота. Он улыбался, словно Анубис только что объявил, что ему выпал счастливый жребий.

— Вот так история! — воскликнул я. — И ты веришь, что все так и есть?

— Откуда мне знать! Это же аллегория. Судя по всему, египтяне обладали огромными знаниями, но они не могли посвящать в свои тайны кого попало. Поэтому им пришлось прибегнуть к метафорам и поэтическим преувеличениям. Ну не мог какой-то поэт просто придумать все это в порыве вдохновения. Эти мифы свидетельствуют о том, что существует некий «вселенский здравый смысл». Все религии излагают примерно одну и ту же историю, хотя и пользуются разными терминами. Все они утверждают, что по ту сторону смерти есть другой мир. Умершего ожидают испытания, а в конце — реинкарнация или освобождение. Более двух третей человечества верят в реинкарнацию.

— Ты правда думаешь, что есть барка с богами и что...

Рауль махнул рукой, чтобы я замолчал.

— Тихо! Тут кто-то есть.

Уже пробило девять часов вечера, и кладбище было закрыто. Кто же мог прийти сюда в такой час? И как они проникли через запертые ворота? Мы с Раулем забирались сюда по веткам платана, росшего возле кладбищенской стены, и были уверены, что, кроме нас, никто не знал этой дороги.

Крадучись, мы направились туда, откуда доносились приглушенные голоса.

Люди в черных кепках проходили сквозь калитку в воротах, которая — к нашему изумлению — никогда, оказывается, не запиралась.

17. Учебник истории

Наши предки верили, что смерть — это переход от состояния «все» в состояние «ничто». Чтобы найти этому подтверждение, они изобрели разные религии (кодексы ритуалов, основанных на мифах). В большинстве религий утверждалось, что существует потусторонний мир, но никто в него по-настоящему не верил. Религии в первую очередь были нужны для того, чтобы охранять интересы определенных этнических групп.

Учебник истории, вводный курс для 2 класса

18. Стычка с дураками

Странные люди остановились у могилы, освещенной факелами, и принялись выкладывать на надгробие всякую всячину. Я заметил фотографии, книги и даже статуэтки.

Мы с Раулем спрятались за камнем на могиле одного актера, рокера и плейбоя, подавившегося рыбьей костью. Он умирал больше часа, пытаясь избавиться от этой кости, застрявшей у него в горле, но никто не пришел ему на помощь, хотя ресторан был набит битком. Все полагали, что на рок-идола снизошло вдохновение и он изобретает новый танец и оригинальную манеру пения. Его последняя конвульсия была встречена громом оваций.

Надежно спрятавшись, мы собирались проследить за всем происходящим. Люди в кепках натянули черные балахоны и принялись распевать псалмы, которые звучали как-то странно.

— Они произносят слова молитвы наоборот, — шепнул Рауль.

Тут до меня дошло, что «*Segna sed erem, eiram eulas suov ej*» на самом деле означает «*Je vous salue Marie, Mure des anges*»^[5].

— Это сатанисты, — добавил мой друг.

То, что я услышал дальше, подтвердило, что он был прав.

О Великий Вельзевул, одари нас частью своей силы.

О Великий Вельзевул, позволь нам взглянуть на твой мир.

О Великий Вельзевул, научи нас быть невидимками.

О Великий Вельзевул, научи нас быть быстрыми, как ветер.

О Великий Вельзевул, научи нас оживлять мертвых.

Я перепугался, но Рауль остался невозмутим, и это успокаивающе подействовало на меня. Мы подкрались поближе. Вблизи адепты сатаны выглядели еще более зловеще. У некоторых на лбу были вытатуированы символы зла: ухмыляющиеся козлы, вертлявые черти, змеи, кусающие себя за хвост.

После новых песнопений они зажгли расставленные на могильной плите свечи так, что те образовали пятиконечную звезду, и стали жечь истертые в порошок кости, над которыми поднимался розовато-лиловый дым. Наконец, они вытащили из мешка черного петуха, который еще трепыхался.

— Великий Вельзевул, в жертву тебе приносим этого черного петуха. Душу петуха за душу дурака!

И хором все повторили:

— Душу петуха за душу дурака!

Птице перерезали горло и окропили кровью пять лучей звезды.

Затем они достали белую курицу.

— Великий Вельзевул, в жертву тебе приносим эту белую курицу. Душу курочки за душу дурочки!

В унисон:

— Душу курочки за душу дурочки! Душу цыплячью за душу палачью!

— Тебе страшно? — тихо спросил Рауль.

Я старался, как он, сохранять хладнокровие, но уже не мог сдерживать бившую меня дрожь. Только бы не стучать зубами! Это выдало бы нас.

— Если чего-то боишься, то это потому, что не знаешь, какое решение принять, — спокойно объяснил мне приятель.

Я в недоумении посмотрел на него.

Рауль вытащил двухфранковую монетку.

— В жизни, — продолжал он, — всегда есть выбор. Действуй или убегай. Прощай или мсти. Люби или ненавидь.

Нашел время философствовать! Но Рауль оставался невозмутимым.

— Мы боимся, когда не знаем, что выбрать, потому что на самом деле ничего не знаем о том, что происходит вокруг нас. Как сделать выбор, когда мир так сложен? При помощи монетки. На нее ничто не может повлиять. Она не подвержена иллюзиям, не слышит фальшивых аргументов, ее ничем не испугаешь. Поэтому она может сделать тебя храбрее.

Рауль высоко подбросил монетку. Выпал орел.

— Орел! Это значит «да», «пошли», «вперед». Орел — это «зеленый свет». Ну, вперед! Вместе против дураков, — провозгласил он.

Между тем зловещая церемония продолжалась.

Сатанисты вытащили из большого мешка испуганно блеющего белого козленка, ослепленного блеском свечей.

— Великий Вельзевул, в жертву тебе приносим сего белого агнца, чтобы ты отворил нам окно в страну мертвых. Душу козлячью за...

Загробный голос эхом прокатился по кладбищу:

— Душу козлячью за банду соплячью!

Здоровенный тесак, уже занесенный, чтобы отсечь козленку голову, замер в воздухе.

Благодаря тому, что выпал орел, голос Рауля звучал уверенно и властно:

— Прочь с глаз моих, слуги Вельзевула! Вельзевул уж давно сгинул. Да будут прокляты те, кто посвятил себя его культуре. Я — Астарот, новый принц Тьмы, проклиная вас! Не ходите сюда, не оскверняйте нечистой кровью животных эти священные камни. Вы будите мертвых и гневите богов!

Сатанисты остолбенели, пытаясь понять, откуда раздается голос, но ничего не видели. Рауль владел голосом, потому что монетка указала ему, что делать. Все теперь стало ясно. И для него, и для меня, и для них. Рауль обладал властью. Рауль, ребенок, стал их повелителем. Сатанисты предпочли ретироваться. Козленок припустил в противоположном направлении.

Все просто. Орел — и я становлюсь сильнее. Решка — я превращаюсь в труса. Монетка принимает решение вместо меня.

Рауль хлопнул меня по плечу и вручил два франка.

— Дарю. Отныне ты не будешь бояться и сможешь делать правильный выбор. Ты обрел друга, который тебя никогда не подведет.

Монета сверкала на моей ладони.

19. Полицейское досье

На запрос по поводу психических качеств гражданина Рауля Разорбака

Ребенок, которого зовут Рауль Разорбак, страдает психическими расстройствами. Он уже неоднократно проявлял бурные вспышки гнева и подвергал опасности жизнь окружающих. Тем не менее мать отказывается поместить его в психиатрическую клинику, заявляя, что на сына сильно повлияла смерть отца. «Ему просто нужна отдушина», — утверждает она.

Поскольку юный Разорбак до сих пор не совершил каких-либо действий, квалифицируемых как правонарушение, Служба считает преждевременным принимать активные меры.

О смерти наших прадедов

Основные причины смертей, зарегистрированных во Франции в 1965 году (конец второго тысячелетия), даны в порядке возрастания числа умерших. Обратите внимание, что некоторые заболевания в наше время уже не являются смертельными.

Сердечно-сосудистые заболевания — 98 392.

Рак — 93 834.

Поражения сосудов головного мозга — 62 746.

Дорожно-транспортные происшествия — 32 723.

Цирроз печени — 16 325.

Респираторные заболевания — 16 274.

Пневмония — 11 274.

Грипп — 9008.

Диабет — 8118.

Суицид — 7156.

Жертвы преступлений и заказных убийств — 361.

Причины неизвестны — 87 201.

Учебник истории, вводный курс для 2 класса

21. Господин всезнайка

За годы, прошедшие со дня моей встречи с Раулем на кладбище Пер-Лашез, наша дружба все крепла. Рауль столь многому научил меня!

— Как же ты наивен, Мишель! Ты думаешь, что мир добр и, стало быть, лучший способ в него вписаться — самому быть добрым. Это ошибка. Пошевели мозгами — будущее творят не добрые люди, а дерзкие новаторы, которые ничего не боятся.

— Сам ты тоже ничего не боишься?

— Ничего.

— Даже физических страданий?

— Если у тебя достаточно силы воли, ты ничего не почувствуешь.

Чтобы доказать это, он достал зажигалку и сунул в пламя указательный палец. Запахло горелым мясом. Я боролся с тошнотой, но смотрел не отрываясь.

— Как ты это делаешь?!

— Сначала я убираю все мысли, а потом говорю себе, что эту боль испытывает кто-то другой и ко мне она не имеет никакого отношения.

— Ты не боишься огня?

— Ни огня, ни земли, ни металла. Всемогуц тот, кто не боится, ибо ему ни в чем не будет отказано. Это еще одна моя лекция. Первая была о том, что монета в два франка станет твоим лучшим советником. А эта о том, что страха нет, если только ты сам не позволишь ему существовать.

— Это отец тебя научил?

— Он говорил, что нельзя оглядываться, когда взбираешься на гору. Если обернешься, то может закружиться голова, ты запаникуешь и упадешь. И наоборот, если лезть прямо к вершине, то всегда будешь в безопасности.

— Да, но если ты ничего не боишься, что тебя туда толкает?

— Тайна. Потребность раскрыть тайну смерти отца и смерти вообще.

Он говорил, а его правая рука словно паук ползла по лбу. Рауль выглядел так, будто испытывал невыносимые мучения, будто его что-то грызло изнутри.

Я забеспокоился:

— Тебе что, плохо?

Он ответил не сразу. Потом, словно вспомнив, как дышать, хрипло сказал:

— Ерунда, просто мигрень. Это пройдет.

Только один раз я видел, как он страдает. Для меня Рауль всегда оставался сверхчеловеком. Учителем.

Рауль меня впечатлял. Он был старше на год, и я из кожи вылез, чтобы перепрыгнуть через класс и оказаться с ним на одной школьной скамье. Потом все стало проще. Он позволял мне списывать домашние задания, а после уроков рассказывал чудесные истории.

Никто в нашем классе не разделял моего восхищения. Учитель литературы дал Разорбаку прозвище Господин Всезнайка.

— Хватайтесь крепче за стулья. Сегодня Господин Всезнайка сдал сочинение. Обхохочетесь. Я уже объявлял тему, но повторю еще раз. Итак, «Мои идеальные каникулы». Господин Всезнайка не хочет прогуляться по берегу Тукета, побывать в Сан-Тропе и Ла-Бауле [\[6\]](#), посетить Барселону или Лондон. Нет! Он жаждет проникнуть в страну мертвых! И шлет нам оттуда почтовые открытки!

Всеобщее оживление.

— Цитирую: «Мою барку влечет к свету. Я цепляюсь за борт, потому что огненный змей выскакивает перед носом суденышка. Богиня Нефтида советует не терять головы и придержать берет. Царица Изида протягивает мне анкх, чтобы я мог победить монстра».

Ученики гогочут, пихают друг дружку локтями, а педагог заканчивает сухим учительским тоном:

— Господин Всезнайка, мне остается только посоветовать вам найти хорошего психоаналитика. Имейте в виду, я все-таки не поставил вам ноль за сочинение. У вас один балл из двадцати, но только потому, что вы заставили меня смеяться. Между прочим, я всегда стараюсь прочесть ваши сочинения в первую очередь, потому что знаю: с вами не соскучишься. Продолжайте в том же духе, господин Разорбак, и я еще долго буду веселиться, потому что вы совершенно точно останетесь на второй год.

Рауль и глазом не моргнул. Он не реагировал на подобные замечания, особенно исходившие от людей вроде нашего учителя, к которому Рауль не питал никакого уважения. Проблемы у нас, однако, были.

Как и в большинстве школ, ученики нашего лицея были жестокими подростками. Стоило показать на кого-нибудь пальцем и заявить: вот белая ворона, как его жизнь тут же превращалась в пытку. В нашем классе заводилой был один наглый тип по имени Мартинес. Вместе с друзьями он подкараулил нас у выхода.

— Царица Изида! — вопили они. — Хочешь анкхом по морде?

Я перепугался. Чтобы преодолеть страх, я сильно пнул Мартинеса, а он засветил мне кулаком по носу. Лицо тут же залила кровь. Нас было двое против шестерых, но хуже всего было то, что Рауль — хотя и был намного выше и сильнее меня, — похоже, не собирался защищаться. Он не дрался. Он получал удар за ударом и даже не пробовал дать сдачи.

Я кричал:

— Давай, Рауль! Мы сделаем их, как тех на кладбище! Вместе против дураков, Рауль!

Он не двинулся с места. Вскоре мы рухнули наземь под градом ударов. Банда Мартинеса бросила нас валяться на улице и удалилась. Я потирал синяки.

— Ты что, испугался? — спросил я.

— Нет, — сказал он.

— Чего же ты не дрался, а?

— А зачем? Я не могу тратить силы на всякую ерунду. И я не знаю, как бороться с дикарями, — добавил он, подбирая осколки разбитых очков.

— Но ты же обратил в бегство сатанистов!

— Это была игра. И потом, может, они и жалкие люди, но намного тоньше, чем эта бестолочь. Перед пещерным человеком я бессилен.

Мы помогли друг другу встать на ноги.

— Ты же говорил: вместе против дураков...

— Боюсь тебя разочаровать, но нужно, чтобы у них был хоть какой-то разум, чтобы я мог вступить с ними в войну.

Я был изумлен.

— Но послушай, тогда эти уроды всегда будут нас бить!

— Возможно, — ответил он. — Но они устанут раньше меня.

— А если они тебя убьют?

Он пожал плечами:

— Ба! Жизнь всего лишь краткий миг.

У меня появилось странное чувство. Пусть это и сделали тупицы, но Рауля только что побили. Он не всегда оказывается самым сильным. Только что он проявил абсолютную

слабость.

Я вздохнул:

— Что бы ни случилось, ты можешь, как и раньше, рассчитывать на меня в трудную минуту.

В ту же ночь мне снова приснилось, что я лечу в облаках навстречу женщине в белом платье, которая держит в руке череп.

22. Философия Паскаля

Бессмертие души влечет нас столь сильно, задевает столь глубоко, что надо позабыть все эмоции и стать беспристрастным, чтобы понять, что же это такое.

Наш первейший интерес и первейшая задача состоят в том, чтобы пролить свет на то, от чего зависит все наше поведение.

Именно поэтому среди людей, не верящих в бессмертие души, я провожу резкую границу между теми, кто прилагает все силы, чтобы узнать об этом больше, и теми, кто живет, не беспокоясь и не размышляя над этим вообще.

Подобное безразличие к вопросу, который касается их самих, их личности, всего, что в них есть, меня скорее раздражает, чем печалит. Это изумляет и пугает меня: это для меня чудовищно. Я говорю об этом не из благочестивого рвения и набожности. Я слышу противоположное мнение, что такое отношение необходимо в интересах человечества.

Блез Паскаль.

Отрывок из работы Фрэнсиса Разорбака «Эта неизвестная смерть»

23. Поправка

Мне было четырнадцать, когда Рауль впервые сам зашел за мной. Родители разворчались. Во-первых, время было к ужину, а во-вторых, они продолжали считать, что Рауль Разорбак плохо на меня влияет. Но у меня в последнее время были отличные отметки по математике (я списывал у Рауля), и они не решились запретить мне прогулку.

Однако мне было велено вести себя прилично и смотреть в оба. Повязывая мне шарф, отец прошептал, что именно лучшие друзья причиняют самые большие неприятности.

Мать добавила:

— Друг — это тот, чье предательство становится самой большой неожиданностью.

Рауль потащил меня к больнице Святого Людовика. Он только что узнал, что там появилось отделение, куда помещали коматозных больных и тех, кто был при смерти. «Служба сопровождения умирающих» — так оно называлось. Отделение находилось в левом крыле больницы. Я спросил у Рауля, что он хочет там увидеть. Он ответил, что это отличная возможность многое узнать заранее.

— Заранее? Что узнать?

— О смерти, ясное дело!

Идея пробраться в больницу мне не очень понравилась. Там было полно серьезных, взрослых людей, и я сомневался, что они разрешат нам там играть.

Рауль, впрочем, никогда не терялся. Он читал в газетах, что люди, очнувшиеся после комы, рассказывают поразительные истории. Они видели удивительные вещи. Не барки или плюющихся огнем змей, а притягивающий к себе свет.

— Ты говоришь об опыте людей, побывавших на краю смерти, о том, что американцы называют NDE, Near Death Experiences^[7]?

— Именно. Про NDE.

Всякий знает, что такое NDE. Тема эта когда-то была в моде, ей было посвящено немало книг и газетных статей. А потом эта мода, как и любая другая, прошла. Не было никаких доказательств, ничего вещественного, просто ряд занимательных историй, понадерганных бог знает откуда.

И что, Рауль верит в подобные сказки?

Мой друг разложил передо мной множество газетных вырезок, и мы встали на колени, чтобы их лучше рассмотреть. Вырезки были не из тех изданий, которые известны своими серьезными расследованиями. Пестрые заголовки, набранные жирным шрифтом, гласили:

«Вояж по ту сторону смерти», «Свидетельство коматозника», «Жизнь после жизни», «Я вернулся, но мне там понравилось», «Смерть и далее со всеми остановками».

Раулю эти слова казались окруженными поэтическим ореолом. Ведь его отец был теперь «по ту сторону смерти».

Рядом со статьями были помещены фотографии с какими-то расплывчатыми аурами или репродукции картин Иеронима Босха.

Рауль подчеркнул желтым фломастером несколько отрывков, которые считал особенно важными: «По результатам исследования, проведенного американским Институтом Гэллага, восемь миллионов жителей США считают, что пережили NDE», «Опросы в больницах показали: 37 % побывавших в коме уверены, что покидали тело, 23 % видели туннель, а 16 % были подхвачены потоком какого-то “чудесного света”».

Я пожал плечами:

— Не хочу лишать тебя иллюзий, но...

— Что «но»?

— Я однажды попал под машину. Меня швырнуло в воздух, и, падая, я сильно ударился головой. Три часа без сознания. Настоящая кома. Не видел я никакого туннеля, не говоря уже о чудесном свете.

Рауль удивился:

— А что же ты видел?

— Да ничего не видел. Вообще ничего.

Друг уставился на меня, словно я был поражен редкой, неизвестной науке болезнью.

— Ты уверен, что был в коме и ничего не помнишь?

— Уверен.

Рауль задумчиво поскреб подбородок, но затем его лицо прояснилось:

— Я знаю, в чем дело!

Он собрал вырезки, а потом произнес слова, над которыми я долго думал впоследствии:

— Ты ничего не видел потому, что был недостаточно мертв.

24. В стране белых монахов

Через час мы очутились перед больницей Святого Людовика. Ярко освещенный вход, охранник наблюдает за аллеями и дорожками. Рауль и так был высокого роста, да к тому же надел потрепанное пальто, чтобы выглядеть старше своих лет. Он взял меня за руку, надеясь, что мы сойдем за отца с сыном, которые решили навестить выздоравливающую бабушку.

Увы, охранник оказался не так глуп.

— Брысь, сопляки! Для игр есть другие места. Например, во-о-н за тем углом.

— Мы пришли навестить бабушку, — сказал Рауль просительным тоном.

— Фамилия?

Рауль моментально ответил:

— Мадам Сальяпино. Она в коме. Ее поместили в новое отделение сопровождения умирающих.

Нет, каков гений импровизации! Если бы он выдал, скажем, Дюпюи или Дюран, это тут же вызвало бы подозрения, но Сальяпино звучало достаточно дико, чтобы сойти за правду.

Охранник задумался. «Сопровождение умирающих» — эти слова звучали неприятно. Он, конечно, знал об этой службе, в больнице о ней говорили всякое. Он махнул рукой, мол, проходите, даже не извинившись, что задержал нас.

Мы углубились в ярко освещенный лабиринт. Коридоры, еще коридоры... Перед нами открывался удивительный мир.

Я уже во второй раз оказался в больнице, но впечатление было по-прежнему ошеломляющим. Мы словно попали в храм белизны. Повсюду сновали маги в белых одеяниях и юные жрицы в безупречно выглаженных халатиках прямо на голое тело.

Все вокруг двигалось, словно подчиняясь законам древнего священного танца. Санитары перекладывали жертвенных животных, обмотанных бинтами, на замызганные каталки. Юные жрицы доставляли их в облицованные кафелем залы, где верховные жрецы в хирургических масках и прозрачных перчатках копались в их кишках, как авгуры-прорицатели. Можно было подумать, что пациенты являлись сюда, чтобы узнать судьбу.

Вот поэтому я и выбрал потом профессию, связанную с медициной. Запах эфира, медсестры, белые одежды, возможность в свое удовольствие покопаться в кишках современников — все это действительно увлекает. Вот где чертоги истинной власти! И я тоже захотел стать белым жрецом.

В приятном возбуждении, словно гангстер, наконец-то попавший в хранилище банка, Рауль прошептал:

— Тсс... Вот оно!

Мы вошли в застекленную дверь.

И чуть не выскочили обратно. Большинство пациентов службы сопровождения умирающих действительно были больны. Справа от нас беззубый старик с разинутым ртом издавал зловоние метров на десять от себя. Еще ближе какое-то истощенное существо неопределенного пола не мигая смотрело на коричневое пятно на потолке. Из носа у него текла прозрачная слизь. Слева — лысая дама с одной-единственной прядью светлых волос на голове и морщинистым лицом.левой рукой она пыталась сдерживать непрерывно дрожащую правую. Это ей никак не удавалось, и она ругала мятежную конечность, но из-за разболтанной вставной челюсти ни слова нельзя было разобрать.

Смерть, не в обиду Раулю будет сказано, это вовсе не боги, богини или реки, полные рептилий. Смерть — это медленный распад человека.

Правы, ох правы были мои родители: смерть страшна. Я бы немедленно бросился наутек, если бы не Рауль, потащивший меня к почти лысой даме.

— Извините, что беспокоим, мадам...

— Зд-ддравств-в-уйте, — запинаясь, сказала она голосом, дрожавшим сильнее, чем ее тело.

— Мы — студенты из школы журналистики и хотели бы взять у вас интервью.

— П-по... почему у меня? — с трудом произнесла она.

— Потому что ваш случай нас заинтересовал.

— Нет... во мне... ничего... интересного. У... уходите!

От истекающего слезью существа мы никакой реакции так и не дождались. Тогда мы направились к вонючему старичку, который принял нас за пару карманных воришек. Он засуетился, будто его оторвали от крайне важного дела.

— А? Что? Чего вы хотите?

Рауль повторил:

— Мы учимся в школе журналистики и готовим репортаж о лицах, переживших кому.

Старичок сел в кровати и горделиво выпрямился:

— Ясное дело, я пережил кому. Пять часов в коме, и, смотрите-ка, я все еще здесь!

Глаза Рауля вспыхнули.

— Ну и как там? — спросил он, словно разговаривал с туристом, приехавшим из Китая.

Старичок ошалело уставился на него:

— Что вы имеете в виду?

— Ну, что вы пережили, пока были в коме?

Видно было, что собеседник Рауля не понимал, куда тот клонит.

— Да я же говорю, я пять часов провел в коме. Кома, понимаете? Это именно когда ничего не чувствуешь.

Рауль не сдавался:

— У вас не было галлюцинаций? Вы не припоминаете света, ярких красок, чего-нибудь еще?

Умиравший вышел из себя:

— Кома — это вам не кино! Начнем с того, что человек очень болен. Он приходит в себя, и у него все тело ломит. Тут не до гулянок. А вы в какую газету пишете?

Вдруг откуда-то выскочил санитар и тут же разорался:

— Это что такое? Сколько можно беспокоить моих больных? Кто разрешил войти? Вы что, читать не умеете? Не видели: «Посторонним вход воспрещен»?

— Вместе против дураков! — выкрикнул Рауль.

Мы бросились наутек. И конечно, заблудились в лабиринте кафельных коридоров. Мы промчались через палату для больных с ожогами третьей степени, через отделение, полное инвалидов в колясках, а оттуда попали прямо туда, куда ходить не следует. В морг.

Обнаженные трупы рядами лежали на дюжине хромированных поддонов. На их лицах застыли гримасы предсмертных мучений. У некоторых глаза еще были открыты.

Молоденький студент, вооруженный клещами, снимал с мертвых рук обручальные кольца. У одной женщины палец опух, и кольцо никак не слезало. Студент зажал ее палец клещами, чик — и палец шмякнулся на пол.

Я тут же упал в обморок. Рауль вытащил меня наружу. Мы оба были без сил.

Мой друг оказался неправ. Правы были мои родители. Смерть омерзительна. На нее нельзя смотреть, к ней нельзя приближаться, о ней не следует говорить и даже думать.

25. Лапландская мифология

Для лапландцев жизнь — это губчатая масса, покрывающая скелет. Душа находится в костях скелета.

Поймав рыбу, осторожно отделяют мясо, стараясь не повредить ни одной косточки. Потом бросают рыбий скелет в то же самое место, где выловили рыбу. Лапландцы убеждены, что природа заставит скелет обрести новым мясом, рыба оживет и через несколько дней, недель или месяцев на этом же месте их будет поджидать свежая добыча.

Плоть всего лишь украшение, а вот кости — истинноеместилище души. Так же думают монголы и якуты, которые собирают из костей скелеты убитых ими медведей. Чтобы не повредить хрупкие кости черепа, у этих народов запрещено есть мозги, хотя это и деликатес.

Отрывок из работы Фрэнсиса Разорбака «Эта неизвестная смерть»

26. Расставание

Некоторое время спустя после нашей вылазки в больницу Святого Людовика мать Рауля решила переехать в провинцию. Много лет утекло, прежде чем мы встретились вновь.

Мой отец умер в тот же год от рака легких. Десятифранковые сигары сделали свое дело. Шпинат, спаржа и анчоусы: я пролил реки слез на похоронах, но никто не обратил на это внимания.

Вернувшись с кладбища, мать превратилась в тирана, настоящую мегеру. Она лезла во все мои дела, за всем следила и диктовала, как мне жить. Без всякого стеснения она рылась в моих вещах и нашла дневник, который я надежно, как мне казалось, спрятал под матрасом. Самые замечательные пассажи она тут же зачитала вслух моему брату Конраду, который был в полном восторге, видя мое унижение.

Я не сразу оправился после такой травмы. Дневник всегда был моим другом, которому я поверял свои мысли, не боясь осуждения. А теперь этот друг меня предал, хотя не его была в том вина.

Конрад язвительно комментировал:

— Ого, а я и не знал, что ты втюрился в Беатриску. С ее-то патлами и прыщами! Ну ты, братец, даешь.

Я делал вид, что мне все равно, но мать прекрасно знала, что лишила меня товарища. Она хотела, чтобы у меня не было друзей. Чтобы не было даже любимых вещей. Она считала, что ее одной достаточно для удовлетворения всех моих потребностей в общении с внешним миром.

— Ты мне все рассказывай, — говорила она. — Я сберегу твои секреты, буду молчать как могила. А эта твоя тетрадка... Ну и что, что мы ее нашли. Хорошо еще, что она не попала в чужие руки!

Я не стал с ней спорить. Не возразил, что, кроме нее, никто не копался под моим матрасом.

Отомстить Конраду, отыскав его дневник, было невозможно. Он его не вел. Не имел на это причин. Ему нечего было сказать ни себе, ни другим. Он был счастлив, проживая жизнь и не пытаясь ее понять.

После потери дневника, которому я изливал душу, отсутствие Рауля стало еще ощутимее. Никто в лице не питал ни малейшего интереса к античной мифологии. Для моих одноклассников в слове «смерть» не было никакой магии, и, когда я заговаривал о мертвых, они норовили стукнуть меня по макушке: «У тебя шарики за ролики заехали, старик. Пора к психиатру!»

— Ты еще молод, чтобы увлекаться смертью, — убеждала меня Беатриса. — Подожди лет шестьдесят. Сейчас слишком рано.

Я тут же ответил:

— Давай тогда о сексе! Это молодежная тема, или как?

Беатриса подскочила на месте. Я попробовал разрядить обстановку:

— Всю жизнь мечтаю на тебе жениться!..

Беатриса бросилась прочь. Говорят, она обозвала меня сексуальным маньяком и распустила слухи, что я пытался ее изнасиловать. А еще я убийца-рецидивист. Ну конечно, как же еще объяснить мой интерес к смерти?

Ни дневника, ни друга, ни подружки, ничего, что связывало бы меня с семьей. Жизнь была отчаянно скучна. Рауль мне не писал. Я был один на этой планете.

К счастью, Рауль оставил мне книги. Он не обманул: книги — это друзья, которые никогда не предадут. Они знали об античной мифологии все. Не боялись говорить о смерти и мертвецах.

Но всякий раз, когда мои глаза видели слово «смерть», я вспоминал Рауля. Я знал, что после смерти отца у него появилась навязчивая идея. Он хотел узнать, что же такое его Разорбак-старший понял перед смертью. Мой отец говорил мне: «Не делай глупостей. Посмотри направо, вон твоя мать. Опасайся тех, кто прикидывается, что желает тебе добра. Бери пример с Конрада. Ты что, не знаешь, как себя ведут за столом? Для этого есть салфетка. Продолжай в том же духе, и ты у меня получишь. Принеси коробку с сигарами. Не копайся в носу. Не ковыряй в зубах проездным билетом. Спрячь деньги получше. Опять читаешь? Иди лучше помоги матери со стола убрать».

Великолепное духовное наследие. Мерси, пап.

Рауль был не прав, так увлекшись смертью. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять: смерть — это просто конец жизни. Точка в конце предложения. Фильм, который исчезнет, если выключить телевизор.

И все же мне все чаще и чаще снилось, как я лечу и там, в вышине, опять встречаю женщину в белом платье. Об этом кошмаре я в дневнике не писал.

27. Индийская мифология

Те, кто знает, и те, кто ведаёт, что в том лесу вера есть истина, входят в пламя, из пламени — в день, из дня — в две светлые недели, из двух недель — в шесть месяцев, когда солнце клонится к северу, из этих месяцев — в мир богов, из мира богов — в солнце, из солнца — в страну молний. Когда они достигают страны молний, божественный дух переносит их в миры Брахмана: непостижимо далеко живут они там. В этих мирах находится точка возвращения на землю.

«Брихадраньяка Упанишада».

Отрывок из работы Фрэнсиса Разорбака «Эта неизвестная смерть»

28. Возвращение Рауля

Мне было восемнадцать, когда я решил, что стану врачом. Я поступил в институт и — как знать, было ли это случайностью? — выбрал анестезию и реанимацию.

Я попал в святая святых храма. Я отвечал за людей, желавших выжить. Не буду отрицать, что еще я хотел оказаться поближе к юным жрицам, которые, говорят, ничего не носят под белыми халатами. Но скоро я убедился, что это миф. Медсестры часто носили маечки.

Мне было тридцать два, когда Рауль без предупреждения снова ворвался в мою жизнь. Он позвонил и назначил встречу — разумеется, на кладбище Пер-Лашез.

Он оказался еще выше и худее, чем я его помнил. Он вернулся в Париж. Я был очень польщен, что после столь долгих лет отсутствия он первым делом вспомнил обо мне.

У него хватило такта не заговорить о смерти в первую же минуту. Мы оба выросли и уже не хохотали надо всем подряд. Игры в слова и каламбуры остались в прошлом.

Рауль стал профессором и работал в Национальном центре научных исследований. Он начал почему-то вспоминать своих подруг. Женщины появлялись в его жизни ненадолго. Они не понимали Рауля. Считали его странным. Он ругался:

— Почему самые красивые всегда самые тупые?

— Знакомился бы тогда с уродинами! — ответил я.

Раньше мы бы смеялись как ненормальные, но детство уже прошло. Он слабо улыбнулся.

— Ну а тебе, Мишель, везет?

— Да не то чтобы...

Он треснул меня по спине.

— Слишком застенчивый, да?

— Слишком романтичный, пожалуй. Иногда мне кажется, что где-то есть очаровательная принцесса и она ждет меня. Только меня.

— Веришь в Спящую красавицу? Но если вдруг повезет с какой-нибудь девчонкой, ты обманешь свою принцессу.

— Вот-вот. Это я и чувствую всякий раз.

Паучьи руки Рауля порхали вокруг меня, словно создавали защитное поле. Как мог я так долго жить вдаль от него и его сумасшествия?

— Э-эх... — вздохнул он. — Наивный ты романтик, Мишель. Этот мир слишком груб для мечтателей вроде тебя. Тебе надо вооружиться для борьбы.

Вспомнили мы и нашу стычку с сатанистами. Потом Рауль рассказал мне о своих исследованиях. Он занимался анабиозом сурков. Сурки, как и многие другие животные, замедляя частоту сокращения сердца на 90 %, способны в течение трех месяцев не дышать и обходиться без еды и сна. Рауль проникал все глубже в загадочную природу этого явления. Изучая сон, он хотел приблизиться к границам смерти.

Чтобы вызвать еще более глубокий искусственный анабиоз у сурков, достаточно было погрузить их в ванну, охлажденную до нуля градусов. Температура тела животных падала очень быстро, частота сердечных сокращений снижалась до полной остановки, но животные не умирали. И через полчаса их можно было оживить, просто растирая.

Я подозревал, что мой друг называет анабиозом то, что мы, медики, называем комой. И все же его эксперименты увенчались успехом, а на международных конференциях кое-кто назвал его «реаниматором мороженных сурков».

Не откладывая в долгий ящик я спросил, не нашел ли он еще каких-нибудь древних текстов о загробном мире. Рауль тут же оживился. Он и не надеялся, что я так скоро перейду к

интересовавшей его теме.

— Греки! — жадно воскликнул он. — Древние греки верили, что Вселенная круглая и концентричная. Каждый мир содержит в себе мир поменьше, потом еще меньше и еще, как круги на мишенях для стрельбы. В самом центре находится греческий мир, где живут люди.

Рауля понесло.

— Там, в самом центре, — греки. Это первый мир. Его окружает мир варваров, второй по счету, а его, в свою очередь, объемлет третий мир, мир чудовищ, в котором живут и жуткие твари из Terra Borealis^[8].

Я подсчитал:

— Люди, варвары, чудовища — всего три мира, так?

— Нет, не так, — живо поправил меня Рауль, — намного больше. За миром чудовищ начинается море. Там находится остров Вечного Счастья, рай, где обитают бессмертные. Есть там и остров Снов, который пересекает река. Вместо воды в ней течет ночная тьма, и вся она покрыта цветами лотоса. Посреди острова стоит город с четырьмя воротами. Через одну пару ворот проходят кошмары, а другая распаивается для приятных сновидений. Гипнос, бог сна, управляет всеми четырьмя.

— Ну да!

— За морем, — продолжал Рауль, — есть еще одна земля. Это побережье Континента Мертвых. Деревья там родят только сухие плоды. Именно на эту землю, словно суда на мель, выбрасывает всех и вся, и именно там все завершается.

Стояла тишина, в которой передо мной проплывали видения рая и ада. Тут Рауль вдруг начал расспрашивать о моей работе. Он хотел знать, какие я, анестезиолог-реаниматор, использую препараты. Может быть, это пригодится ему в экспериментах с сурками.

29. Мнение доктора Пэнсона

А. Виды комы

По словам моего друга, доктора Мишеля Пэнсона, в настоящее время признано существование трех видов комы:

1) Псевдокома. Сознание отсутствует, но пациент реагирует на внешние раздражители. Может продолжаться от тридцати секунд до трех часов.

2) Пациент не реагирует на внешние раздражители, например щипки или уколы. Может продолжаться до одной недели.

3) Глубокая кома. Прекращение всех видов деятельности. Начало разрушения головного мозга. Судороги верхних конечностей. Сердечные сокращения становятся нерегулярными (дефибриляция). Согласно Мишелю, выход из этой комы невозможен.

Б. Внешние симптомы

1) Мидриаз (полное расширение зрачка).

2) Паралич.

3) Искривление рта.

В. Как вывести пациента из комы

Методы, используемые Мишелем:

1) Массаж сердца.

2) Восстановление проходимости верхних дыхательных путей.

3) Электрошок силой от 200 до 300 джоулей.

4) Инъекции адреналина в сердечную мышцу.

Г. Как вызвать кому

Препараты, используемые Мишелем:

1) Физиологический раствор.

2) Тиопентал (предотвращает возбуждение при выходе из комы), пропофол (быстрое засыпание, пробуждение без негативных последствий).

3) Дроперидол (менее сильный эффект, транзиторная аналгезия, головокружение после пробуждения длительностью до часа, риск прекращения кардиореспираторной активности). Дозировка согласно весу пациента.

4) Хлорид калия (провоцирует кардиальные нарушения и фибрилляцию желудочков).

Д. Частота сердечных сокращений у человека

Норма: от 65 до 80 ударов в минуту,

самая низкая: 40 ударов в минуту.

Некоторые йоги добивались 38 ударов в минуту, но это, скорее, исключительные случаи.

Абсолютный минимум: менее 40 ударов в минуту, наблюдается снижение скорости расхода церебральной жидкости, риск наступления обморока (кратковременная потеря сознания на срок не более двух минут). Как правило, субъект ничего не помнит о случившемся.

Максимум: 200 ударов в минуту минус возраст человека.

Рауль Разорбак.

«Рабочий дневник танатонавтических исследований»

30. Учебник истории

Танатонавтика возникла случайно. Большинство историков датируют ее появление днем покушения на президента Люсиндера.

Учебник истории, вводный курс для 2 класса

31. Президент Люсиндер

Стоя в черном лимузине, президент Люсиндер улыбался, приветствовал толпу и мучился от боли. Ноготь большого пальца на ноге врос в самое мясо. Не утешала даже мысль, что сам Юлий Цезарь во время грандиозных военных триумфов страдал от подобных превратностей судьбы. А Александр Великий со своим сифилисом? К тому же в ту эпоху никто не знал, как все это лечить...

За спиной Юлия Цезаря всегда стоял раб, который — помимо того, что носил за ним лавровый венок, — должен был регулярно повторять императору на ухо: «Помни, что ты всего лишь человек». Люсиндер обходился без раба. Ему хватало и вросшего ногтя.

Он махал рукоплескавшей толпе, но все время думал о том, как же избавиться от боли. Личный врач рекомендовал хирургическое вмешательство, но глава нации еще ни разу не лежал на операционном столе. Ему не нравилось, что какие-то безликие незнакомцы в масках, вооруженные отточенными бритвами, примутся шуровать в его трепетной плоти, пока он будет спать. Конечно, можно прибегнуть и к особым методам педикюра. Это сулило быстрое избавление, и на операционный стол ложиться не нужно, но резать будут по живому и без наркоза. Это тоже не вызвало у Люсиндера особого энтузиазма.

Сколько проблем, досаждающих человеку! Вечно где-то что-то не так. Ревматизм, кариес, конъюнктивит... На прошлой неделе Люсиндер мучился от очередного приступа язвы.

— Не волнуйся так, Жан, — советовала ему жена. — Ты просто расстроен делами в Южной Америке. Завтра поправишься. Я всегда говорю: «Если ты здоров, то каждый день у тебя болит что-то другое».

Какая чушь! Но она принесла ему горячего молока, и боль в животе утихла. Зато ноготь разболелся сильнее прежнего.

«Да здравствует Люсиндер!» — кричали вокруг. «Президент Люсиндер!» — скандировала толпа. Ох уж этот новый мандат! Скоро надо будет заниматься им вплотную. Выборы не за горами.

Несмотря на проклятый палец, Люсиндер все-таки пережил несколько приятных моментов. Толпу он обожал. Он обнял крошечную розовощекую девочку, которой мать потрясала у него под самым носом. Какой-то мальчуган сунул ему букет цветов, тех самых, которые моментально вызывают аллергию.

Машина вновь тронулась. Президент заставил себя немножко пошевелить пальцами, втиснутыми в новые жесткие туфли, как вдруг какой-то высокий тип в костюме-тройке кинулся к нему с револьвером в руке. В ушах прогремело эхо выстрелов.

«Ну, вот меня и застрелили», — спокойно подумал президент.

Теплая кровь потекла по животу. Люсиндер улыбнулся. Красивый способ войти в Историю. Ему повезло. Не то что его предшественнику, у которого отобрали президентский мандат, когда тот заболел раком предстательной железы.

А этот технократ с черным револьвером дал ему шанс. Убитые президенты всегда получают почетное место в школьных учебниках. Все восхищаются их дальновидностью, превозносят грандиозность планов. Дети в школах разучивают оды, написанные в их честь. Иного бессмертия не существует.

Люсиндер краем глаза заметил убийцу, скрывавшегося в толпе. А что же телохранители?! Топчутся на месте, как бараны. Вот это урок! Нет, на этих профессионалов в штатском рассчитывать нельзя.

Кто же так ненавидел его, что решился на убийство? Ба, скоро ему будет на это плевать. Все

теперь не важно, в том числе и проклятый ноготь. Смерть — лучшее лекарство от мелких горестей бытия.

— Врача! Скорее врача! — кричал кто-то рядом.

Хоть бы они все заткнулись... Не было такого врача, который мог бы ему помочь. Слишком поздно. Пуля, конечно же, прошла сквозь сердце. Какое тут можно придумать лекарство, если не считать нового президента, а он, Люсиндер, присоединится к Цезарю, Аврааму Линкольну и Кеннеди в пантеоне великих государственных мужей, павших от руки убийцы.

Он все еще был жив. В голове неслась вереница воспоминаний. Четыре года: первая незаслуженная пощечина и первая обида. Семь лет: первая похвальная грамота, полученная благодаря соседу, который позволил списать у него сочинение. Семнадцать лет: первая девушка (он потом с ней снова встретился, и это было ошибкой: она оказалась совершенно несносной). Двадцать один год: диплом историка, на этот раз все по-честному. Двадцать три года: кандидатская по античной философии. Двадцать пять лет: докторская по истории античности. Двадцать семь: вступление в социал-демократическую партию благодаря связям отца. Девиз будущей карьеры: «Кто хорошо знает прошлое, лучше всех строит будущее».

Двадцать восемь лет: брак с первой «цыпочкой» (актриской, имени которой он уже и не помнил). Двадцать девять лет: первые подлости и первое предательство, чтобы попасть в центральный аппарат партии. Тридцать два года: выборы в мэрию Тулузы, сколачивание первого капитала за счет продажи муниципальных земель, первая покупка картин великих мастеров и античных скульптур, беспорядочные связи. Тридцать пять лет: выборы в Национальное собрание, первый замок в Лозере^[9]. Тридцать шесть лет: развод и новый брак, опять с «цыпочкой» (немецкая топ-модель, горошина вместо мозгов, но зато ноги, которые соблазнят и святого). Тридцать семь лет: дома младенцы в каждом углу. Тридцать восемь лет: непродолжительный уход в тень по делу о взятке при продаже пакистанских самолетов.

Тридцать девять лет: стремительное возвращение на политическую арену благодаря новой супруге (дочь президента Конгома, на этот раз удачный выбор). Назначение на пост министра иностранных дел, и первый по-настоящему омерзительный поступок: организация убийства перуанского президента и замена его марионеткой.

Сорок пять лет: смерть президента Конгома. Предвыборная кампания на пост президента прекрасной Французской Республики, полностью профинансированная за счет Перу. Новый девиз: «Люсиндер изучал историю, теперь он ее пишет». Неудача. Пятьдесят два года: новые выборы. Победа. Власть. Наконец-то Елисейский дворец. Бразды правления секретными службами. Личный музей античных сокровищ, тайно «позаимствованных» за границей. Черная икра половниками. Пятьдесят пять лет: угроза ядерной войны. Противник испугался, и Люсиндер лишился своего первого шанса войти в Историю.

Пятьдесят шесть лет: все более молоденькие любовницы. Пятьдесят семь лет: встреча с настоящим другом, черным лабрадором Верцингеторигом, которого невозможно подозревать в честолюбии и корыстности.

Наконец, пятьдесят восемь лет и мгновенное завершение замечательной биографии: великого человека убили в толпе посреди Версаля.

Больше никаких зеркальных шаров. Такова жизнь, даже если это жизнь президента. Прах к праху, пепел к пеплу. Человек — червь, и будет съеден червями.

Если бы только ему дали уйти с миром! Даже червяк и тот имеет право умереть тихо. Но нет, они открывают ему глаза, кладут на операционный стол... Тычут пальцами, сдирают одежду, подключают к каким-то сложным аппаратам и трещат без умолку, как сороки. «Все для спасения президента!» Идиоты...

К чему все эти старания? Он чувствовал, как наваливается чудовищная усталость. Жизнь

потихоньку уходит. Именно так. Уходит. Он чувствовал, что все куда-то уходит. Не может быть! Жан Люсиндер ощутил... что он сам уходит. Покидает свое тело. Вот, вот! Ну точно, он действительно покинул тело. Он? Может, кто-то другой? Что-то другое? Как это может называться? Его душа? Нематериальное тело? Эктоплазма? Материализованная мысль? Прозрачное и легкое! Вот они разъединяются, словно разваливается кокон. Удивительные ощущения!

Он сбросил, оставил свою кожу, как старое, поношенное платье. Он поднимается, возносится, выше, еще выше... Палец больше не болит. Как легко!

Его новое «я» на мгновение задержалось под потолком. Он видел внизу распростертое на столе тело и врачей, прилагавших все усилия, чтобы вернуть его к жизни. Никакого уважения к покойному. Вскрывают грудную клетку, распиливают ребра, пихают электроды прямо в сердце!

Невозможно больше оставаться здесь, к тому же они все время его окликают! Прозрачная серебристая и эластичная нить, напоминающая пуповину, соединяет его с телом. По мере того как он отдаляется, эта нить становится все длиннее.

Он прошел сквозь потолок, сквозь этажи, набитые больными. Сквозь крышу и небо. Вдали его манил свет. Фантастика! Другие люди, множество людей летят вокруг него, за ними тянутся серебристые нити. Он чувствует себя участником великого праздника.

Внезапно его серебристая нить перестала растягиваться. Вот она твердеет, натягивается, тащит вниз! Кажется, это означает, что Люсиндер еще не умер. Другие эктоплазмы смотрят на него в недоумении: почему он не летит дальше? Нить тащит его обратно, как натянутая и резко отпущенная резиновая лента. Вот он снова проходит сквозь крышу, потолки, вновь видит операционную и в ней врачей, посылающих разряды в сотни вольт прямо ему в сердце. «Это запрещено!» Два года назад он уже провел закон, ограничивающий применение интенсивной терапии. Он помнил — статья 676: «После полной остановки сердечной деятельности не разрешается осуществлять какие-либо манипуляции, вмешательства или операции, которые могут привести к повторному запуску сердца». Но на президента этот закон, по-видимому, не распространяется. Ублюдки! Дерьма куски! Ему снова открылась неприятная сторона того, что он был главой государства. Сейчас он хотел лишь одного: быть клошаром, до которого никому нет дела, бомжом, попрошайкой, рабочим, домохозяйкой, неважно кем, лишь бы его оставили в покое. Лишь бы дали умереть спокойно. Первое, самое главное право гражданина — умереть спокойно.

«Дайте же сдохнуть человеку!» — кричал он изо всех сил. Но у его эктоплазмы не было голоса. Серебристая нить тянула его все ниже. Он уже не мог подняться обратно. Шлеп — и он слился со своим трупом. Что за мерзкое ощущение! Ой-ой! Опять этот вросший ноготь, сломанные ребра! И тут ему вкатили еще один разряд, на этот раз очень болезненный.

Он открыл глаза. Врачи и санитары закричали от радости и принялись поздравлять друг друга.

— Получилось! Получилось!

— Сердце бьется, он дышит, он спасен!

Спасен? От кого спасен, от чего? Явно не от этих недоумков. О, как он страдал! Люсиндер с трудом пробормотал что-то с мучительной гримасой.

— Прекратите электрошок, закрывайте грудную клетку!

А он хотел крикнуть: «Закройте дверь, дует же!»

Ему было так больно, словно его резали по живому.

Опять ты здесь, о мое брэнное тело.

Он приоткрыл один глаз — вокруг кровати стояла целая толпа.

Ему было так больно, так больно. Жгло как огнем. Он вновь закрыл глаза, чтобы еще раз

увидеть чудесную сияющую страну там, высоко в небе.

32. Полицейское досье

Фамилия: Люсиндер

Имя: Жан

Цвет волос: седые

Глаза: серые

Рост: 178 см

Особые приметы: нет

Примечание: пионер движения танатонавтов

Слабое место: президент Франции

33. Министр Меркассер

Президентский кабинет в стиле Людовика XV был огромен. В комнате царил полумрак, но картины прославленных мастеров и бесстыжие греческие скульптуры вполне можно было разглядеть. Искусство — лучший способ произвести впечатление на обывателей. Бенуа Меркассер, министр науки, прекрасно это понимал. Он также знал, что президент Люсиндер — хотя его лица и не видно в полумраке — сидит прямо перед ним. Настольная лампа освещала только руки, но Меркассер видел и знакомый силуэт президента, и сидящего у его ног черного лабрадора.

Это была их первая встреча после покушения, чуть не стоившего жизни главе государства. Зачем Люсиндер пригласил его, когда у него столько дел, касающихся внутренней и внешней политики, гораздо более срочных, чем проблемы научных исследований, на которые вечно не хватает денег?

Меркассер не мог больше выносить затянувшегося молчания и решил его нарушить. Он решил начать с приличествующих случаю банальностей:

— Как вы себя чувствуете, господин президент? Кажется, вы совсем выздоровели. Врачи совершили настоящее чудо!

Люсиндер подумал, что предпочел бы ничего не знать о подобных чудесах. Он наклонился ближе к свету. Блестящие серые глаза уставились на собеседника, утонувшего в кресле с красной парчовой обивкой.

— Меркассер, я пригласил вас потому, что мне необходимо знать мнение специалиста. Только вы можете мне помочь.

— Я заинтригован, господин президент. О чем идет речь?

Откинувшись в кресле, Люсиндер вновь нырнул в полумрак. Странно, любой его жест выглядел необыкновенно величественно. А лицо его внезапно стало — Меркассер удивился слову, которое пришло ему в голову, — более человеческим.

— Вы ведь биолог по образованию, не так ли? — спросил Люсиндер. — Скажите, что вы думаете о посткоматозных явлениях?

Меркассер смотрел на него, потеряв дар речи. Президент заволновался:

— NDE, Near Death Experiences, клиническая смерть... Люди, которые думают, что покинули свое тело, а потом вернулись благодаря врачам?

Бенуа Меркассер не верил своим ушам. Неужели реалист Люсиндер заинтересовался мистикой? Вот что значит флирт со смертью! Он начал отвечать расплывчато:

— Полагаю, что речь идет о явлении в жизни общества, о модном течении, которое со временем, как это всегда бывает, уступит место другому. Людям необходимо верить в чудеса... В то, что существует что-то еще, кроме этого мира. Некоторые писатели, гуру и шарлатаны наживаются, рассказывая об этом всякие небылицы. У человека всегда была потребность верить в сверхъестественное — существование религий доказывает это. Достаточно пообещать людям рай в будущем, как им становится легче глотать горькие пилюли современности. Доверчивость, глупость и наивность...

— Вы так думаете?

— Конечно. Что может быть красивее, чем мечта о рае, ожидающем вас после смерти? И что может быть более фальшивым?

Люсиндер откашлялся.

— Ну а все же... Что, если в этих рассказах что-то есть?

Министр презрительно усмехнулся:

— Это все напоминает историю о человеке, который встретил того, кто знаком с тем, кто знает того, кто видел медведя. В наши дни все не так. Скептицизм дает нам постоянную пищу для сомнений. Достаточно, чтобы кто-нибудь — неважно, кто — объявил, что завтра наступит конец света, и тут же найдутся специалисты, которые докажут обратное.

Люсиндер попытался сохранить объективность.

— Нет доказательств, вы говорите? Возможно, оттого, что никто не проводил таких исследований. Существует ли какой-либо официальный отчет на эту тему?

— Хм-м... насколько я знаю, нет, — сказал Меркассер обеспокоенно. — Пока что довольствовались записями, фиксирующими эти сомнительные утверждения. Что вы имеете в виду? Эта тема вас интересует?

— Да! Да, Бенуа! — воскликнул Люсиндер. — Очень интересует, потому что человек, который видел медведя своими глазами, — это... это я!

Министр науки недоверчиво уставился на президента. Может быть, покушение все-таки привело к непоправимым последствиям? Сердце президента было повреждено, мозг довольно долго не снабжался кислородом. Возможно, некоторые зоны омертвели и Люсиндер стал жертвой психического расстройства?

— Что вы на меня так смотрите, Бенуа? — раздраженно спросил Люсиндер. — Разве я сказал, что в стране вводится коммунизм? Я просто пережил NDE!

— Я вам не верю, — ответил ученый.

Президент пожал плечами:

— Я бы сам себе не поверил, если бы не вернулся. Но вот он я. Я видел чудесный континент и хотел бы больше о нем узнать.

— Вы видели... Видели своими глазами?

— Ну да.

Меркассер, мысливший рационально, предложил объяснение:

— Перед смертью тело, словно сгорая в последнем фейерверке, нередко вырабатывает массу натуральных морфинов, которые опьяняют умирающего. Очевидно, эти морфины и вызывают различные фантастические галлюцинации, умирающему мерещатся чудесные континенты или что-то еще. А в том, что вас оживили на операционном столе, нет ничего сверхъестественного.

Люсиндер не был похож на ненормального. Совсем напротив. А что, если его мозг действительно поврежден? Может, надо предупредить других министров, прессу, обезопасить ситуацию, пока президент не втянул страну в какую-нибудь безумную авантюру? Бенуа Меркассер незаметно сжал кулаки. А его собеседник спокойно продолжал:

— Я знаком с действием наркотиков, Бенуа. Мне приходилось их принимать, и я отлично знаю разницу между передозировкой и реальностью. Разве это не вы много раз говорили, что при условии значительных капиталовложений достичь результатов можно очень быстро — независимо от того, о какой сфере науки идет речь?

— Да, конечно, но...

— Один процент бюджета на ветеранов войны, проведенный по другим статьям. Устраивает?

Меркассер переживал настоящие мучения.

— Нет. Я ученый и не могу участвовать в этом балагане.

— Я настаиваю.

— В таком случае я лучше подам в отставку.

— Правда?

Ниже приведены данные об удельной смертности представителей различных социально-профессиональных категорий той эпохи, умерших в возрасте 50 лет (на тысячу человек в каждой категории). Статистические данные за 1970 год (конец второго тысячелетия).

Учителя — 732.

Президенты компаний и представители свободных профессий — 719.

Инженеры — 700.

Католическое духовенство — 692.

Фермеры — 653.

Руководители предприятий и коммерсанты — 631.

Офисные работники — 623.

Менеджеры среднего звена — 616.

Рабочие — 590.

Сельскохозяйственные рабочие на окладе — 565.

Учебник истории, вводный курс для 2 класса

35. Новая Австралия

Бенуа Меркассьер в полном недоумении долго бродил по Елисейским Полям. Он был убежден, что NDE не бывает, а теперь ему поручено найти неопровержимое доказательство обратного. Попросите атеиста проповедовать о существовании Бога или заставьте убежденного вегетарианца рекламировать говядину.

Он отлично знал, почему Люсиндер поручил это дело именно ему. Президент обожал ставить перед своими подчиненными неожиданные задачи. Министрам правой коалиции приходилось внедрять политику левых, сторонникам экологии — перевозить атомную энергетику, протекционистам — следовать курсу свободной внешней торговли...

Президент выделил двести тысяч франков на этот чертов проект «Парадиз», и это абстракцией уже не назовешь. Но доказать, что в момент смерти человек покидает тело и попадает на чудесный континент...

Люсиндер был не первым государственным руководителем, затевавшим необычный проект. Меркассьер вспомнил, что много лет назад, в семидесятых, чудаковатому американскому президенту Джимми Картеру взбрело в голову установить контакт с НЛО. Он железно верил в их существование и объявил о программе по сбору любых свидетельств о них. Можно представить себе выражение лиц ученых, вынужденных слушать этот бред, да еще и по телевизору! Кучу государственных денег ухлопали на строительство гигантских приемопередатчиков для общения с инопланетным разумом. Картер был искренне удивлен, что из этого ничего не вышло!

У Меркассьера был выбор — плясать под дудку президента или отказаться от министерского портфеля, а вместе с ним и от власти. Что ж, тем хуже для ветеранов! Он найдет, как потратить эти двести тысяч франков.

Да, но каким образом? Всякий раз, когда Меркассьер пребывал в сомнениях, он сразу вспоминал о самом лучшем и близком советнике: своей жене Джилл.

Странно, но она ничуть не удивилась, когда он за ужином рассказал о проблеме с NDE. Раскладывая по тарелкам пюре из спаржи, Джилл задумчиво сказала:

— Во-первых, надо составить протокол эксперимента. Придумать опыт, результаты которого дадут ответ на вопрос: «Есть ли что-нибудь после смерти? Да или нет?» С чего ты думаешь начать?

— Понятия не имею, — вздохнул он. — Президент убежден, что пережил NDE!

Джилл сказала:

— Не теряй головы. Чтобы получилось, надо быть уверенным в победе.

— Но нельзя же требовать от меня, чтобы я верил в NDE, — пожаловался Меркассьер. — Это противоречит всему, чему меня учили на факультете естествознания!

Жена оборвала его стенания:

— Ты больше не ученый, ты — политик. Думай как политик, иначе никогда не выпутаешься. Что тебе сказал президент?

— Он утверждает, что видел чудесный континент.

— Чудесный континент? — Джилл нахмурилась. — Странно. То же самое говорили первые европейские мореплаватели, открывшие континент, где я родилась, — Австралию!

— И какая тут связь? — спросил Меркассьер, наливая себе вина.

— Тебе предлагают исследовать новый континент. Ты должен мыслить так же, как великие путешественники XVI столетия. Они не знали, что к востоку от Индонезии есть другая земля. Тех, кто был уверен в ее существовании, считали ненормальными. Так и ты относишься к Люсиндеру.

— Но ведь Австралия действительно существовала, с равнинами, деревьями, зверями, аборигенами!

— Это легко говорить в XXI веке, но представь себе то время! Тогда говорить об Австралии было все равно что сегодня говорить о континенте по ту сторону смерти.

Если бы не упорное желание сохранить ясность мысли, Меркассьер с удовольствием осушил бы всю бутылку бургундского. Удачный был год.

Джилл продолжала:

— Представь себя на месте тогдашнего министра. Совершая заморское плавание, судно с твоим королем потерпело крушение и оказалось выброшенным на чудесный континент. Его спас другой корабль, и король, вернувшись в столицу, приказал министру транспорта сделать все необходимое, чтобы больше узнать о таинственной материке.

— Ну, если так...

Джилл настаивала:

— Назови страну мертвых Новой Австралией и думай как исследователь новых земель. Представь, как в XXXI веке будут говорить: «Подумать только, наши отсталые предки даже не знали о существовании Континента Мертвых!» А в 3000 году другой президент начнет исследования путей, по которым можно уйти еще дальше. Может быть, даже изобретут машину времени! И министр, которому это будет поручено, позавидует Меркассьеру — у того задача была намного проще: всего-навсего побывать в стране мертвых...

Джилл говорила так убежденно, что Бенуа не смог удержаться от вопроса:

— Но сама-то ты веришь, что Континент Мертвых действительно существует?

— Какое это имеет значение? Если бы я была женой министра транспорта XVI века, я бы посоветовала ему отправить экспедицию на поиски Австралии. Или откроешь новый континент, или докажешь, что его не существует. В любом случае останешься в выигрыше.

Теперь бутылкой завладела Джилл. Уставившись в зеленое пюре, ее муж пробурчал:

— Это все прекрасно, но на каком корабле туда добраться?

Одним глотком Джилл осушила бокал.

— Тут мы снова возвращаемся к вопросу о протоколе эксперимента. Хочешь салату?

Нет. Он не был голоден. Вся эта нервотрепка лишила его аппетита. Зато Джилл отправилась на кухню за миской салата с помидорами. Вернувшись, она остановилась в дверях и подвела итог:

— Итак, мы назовем твой континент Новой Австралией. Скажи-ка теперь, кого посылали колонизировать Австралию? Преступников, каторжников, отъявленных мерзавцев. А почему?

Тут Меркассьер оказался в своей стихии:

— Потому что Австралия считалась опасной страной, и лучше было не посылать туда тех, чья гибель стала бы потерей для общества.

Пока он это говорил, лицо его прояснялось. Джилл опять не подвела. Она подсказала ему решение.

— Бенуа, ты нашел матросов, которые высадутся на новый континент. Пора подыскать капитана.

Министр науки облегченно улыбнулся:

— У меня есть идея!

36. Мифология ацтеков

Ацтеки верили, что посмертная участь зависит не от прижизненных заслуг, а от обстоятельств смерти.

Лучше всего было погибнуть в бою. Воины-орлы попадали в Тонатиукан, восточный рай, где мертвые восседали рядом с богом войны.

Место утопленников и тех, кто умер от болезней, связанных с водой (например, от проказы), было в Тлалокане — рае Тлалока, бога дождя.

Остальные отправлялись в Миктлан, ад, где в течение четырех лет претерпевали мучения, прежде чем окончательно исчезнуть.

Это был подземный мир, принадлежавший Миктлантекутли. Попадали туда через пещеры. Прежде чем достичь девятого мира, душа должна была пройти восемь испытаний в подземных владениях.

Первое испытание: река Чикнауапан, которую мертвец должен был переплыть, уцепившись за хвост собаки, принесенной в жертву на его могиле. Умерщвленные на похоронах животные были проводниками души в стране мертвых.

Второе испытание: пройти между сталкивающимися скалами.

Третье испытание: взобраться на гору по отвесным тропам, усеянным острыми камнями.

Четвертое испытание: выдержать ураган, мечущий в умершего зазубренные куски холодного как лед обсидиана.

Пятое испытание: пройти между гигантскими знаменами, хлопающими на ветру, насколько хватает глаз.

Шестое испытание: устоять под вихрем стрел, стремящихся пронзить мертвеца.

Седьмое испытание: нападения свирепых животных, стремящихся проглотить сердце умершего.

Восьмое испытание: выбраться из лабиринта с узкими коридорами, где очень легко заблудиться.

Лишь тогда умерший наконец получает право исчезнуть.

Отрывок из работы Фрэнсиса Разорбака «Эта неизвестная смерть»

37. Кстати

Через несколько недель позвонил Рауль Разорбак. Он хотел немедленно со мной встретиться. Голос его звучал странно. Казалось, его что-то мучает. Впервые он назначил мне встречу не на кладбище, а у себя дома.

Когда Рауль открыл мне дверь, я едва узнал его. Он еще сильнее похудел, а такое выражение лица я уже видел у шизофреников в нашей больнице.

— А, Мишель! Наконец-то!

Он махнул рукой в сторону кресла и сказал, чтобы я чувствовал себя как дома. Все это было очень странно.

Неужели он получил какие-то неожиданные результаты, экспериментируя с сурками? Но каким боком это касается меня? Я медик, а не биолог.

— Слышал о покушении на президента?

Естественно. В газетах, на телевидении и по радио только об этом и говорили. В главу нашего государства стреляли в Версале, на глазах у целой толпы. Но как это могло повлиять на душевное состояние моего друга?

— Сразу после этого президент поручил министру науки заняться... — Он внезапно остановился и схватил меня за плечо: — ...мною.

38. Учебник истории

Первые пересадки органов между разными биологическими видами были произведены в середине XX века, а точнее, в 1960—1970-е годы. С тех пор больной человек стал похож на автомобиль, в котором можно просто заменить неисправные детали. Смерть стала чем-то вроде обычной механической поломки. Если кто-то умирал, то случалось это из-за неподходящих запчастей. Исследователи выяснили, что сердце свиньи годится для пересадки человеку. Технологии постоянно совершенствовались, и пересаженные органы приживались и функционировали. Заменить можно было все, кроме мозга, но и это было лишь вопросом времени!

Логично думать, что в один прекрасный день удастся справиться с любыми повреждениями, поняв механизм самого главного сбоя — смерти. Это всего лишь вопрос технологии. Одновременно увеличилась и продолжительность жизни. Появление признаков старения стало следствием недобросовестного отношения к себе. Всем надлежало содержать свой биологический механизм в идеальном порядке и регулярно проходить техосмотр.

Стариков стали прятать, чтобы они не портили картину. На виду были только те, кто занимался теннисом или бегом и отличался цветущим здоровьем. В то время считалось, что лучший способ бороться со смертью — это скрывать признаки ее приближения.

Учебник истории, вводный курс для 2 класса

39. Амандина

Рауль запихал меня в свой древний «рено» с откидным верхом и рванул с места.

— Куда ты меня везешь?

— Туда, где все сейчас и происходит.

Больше я от него ничего не добился. Мы выехали из Парижа. Я поехал, когда Рауль наконец затормозил перед зловещей вывеской: «Исправительное учреждение Флери-Мерожи».

Снаружи это заведение напоминало не тюрьму, а небольшой поселок или больничный комплекс. Рауль припарковался на соседней стоянке и потащил меня ко входу. Он предъявил какую-то бумагу, я показал удостоверение личности. Мы миновали контрольный пост и, пройдя по длинному коридору, оказались перед запертой дверью.

Нам отворил какой-то хмурый человек. Он еще сильнее помрачнел, увидев широко улыбающегося Разорбака.

— Приветствую, господин директор. Хочу представить вам доктора Мишеля Пэнсона. Нужно немедленно выписать ему пропуск. Заранее благодарен.

Директор не успел ответить, а мы уже мчались дальше. Мне показалось, что охранники провожают нас недобрым взглядом.

Мы очутились во дворе, в самом центре тюремного городка. Он был огромен. Пять корпусов тянулись вдаль. Во дворе каждого из них было футбольное поле. Рауль объяснил, что заключенные очень много занимаются спортом, но в этот час они еще сидели по камерам.

Это хорошо, потому что многие из них, похоже, были не в восторге от нашего присутствия. Ухватившись за решетки первого этажа, они орали:

— Засранцы, ублюдки!

Охранники, судя по всему, и не собирались затыкать им рот.

Сквозь общий рев прорвался один особенно громкий голос:

— Все знают, чего вы там вытворяете во втором блоке! Убить вас мало!

Меня охватило беспокойство. Что же наделал мой друг, продолжавший беззаботно шагать рядом, чем он довел этих людей до такого остервенения? Я знал, что увлечения Рауля могли завести его очень далеко, даже за пределы разумного.

Корпус Д-2. Я прибавил шаг, чтобы не остаться одному среди свирепых зеков и враждебно настроенных охранников. Опять коридоры, лязг дверей. Лестницы. Снова лестницы. Будто спускаешься в ад. Снизу доносится хриплый смех вперемешку с протяжными стонами. Здесь что, держат сумасшедших?

Ниже, еще ниже. Сумрачнее, еще сумрачнее. Я вспомнил о методе, которым пользовался Эскулап для лечения безумия. Прошло больше трех тысяч лет со дня основания лечебницы Эпидавр, руины которой сохранились до нашего времени. Эскулап, пионер психиатрии, соорудил там лабиринт темных туннелей. Безумцев заставляли долго ждать, обещая, что их ждет наивысшее наслаждение, и наконец впускали в подземелье. Тут же начинали звенеть колокольчики, и чем дальше человек углублялся в лабиринт, тем мелодичнее становились звуки. Когда же зачарованный безумец оказывался в самом темном месте, на него сбрасывали клубок змей. Несчастный, только что мечтавший о вершинах блаженства, или умирал от ужаса, или вылечивался. Так Эскулап изобрел шоковую терапию.

Бродя по подземелью Флери-Мерожи, я спрашивал себя, когда же наконец наткнусь на своих змей.

Тут Рауль вытащил ржавый ключ и отпер здоровенную, обитую железом дверь. За ней оказался захламленный ангар. Там было трое мужчин в спортивных костюмах и молодая

блондинка в черном халате, увидев которую я испытал что-то вроде дежа-вю.

Мужчины встали и уважительно поздоровались с Раулем.

— Позвольте представить доктора Мишеля Пэнсона, о котором я вам уже рассказывал.

— Спасибо, что пришли, доктор, — воскликнули они хором.

— Мадемуазель Баллю, наша медсестра, — продолжил Рауль.

Я помахал девушке рукой, она в ответ смерила меня взглядом.

Место это, по-видимому, было прежде тюремной больницей. Справа стоял лабораторный стеллаж, уставленный дымящимися флягами — сосудами Дьюара с жидким азотом. Посреди помещения, словно трон, возвышалось древнее стоматологическое кресло с облезлым сиденьем, как лианами оплетенное проводами и окруженное какими-то аппаратами со светящимися экранами.

Все это напоминало гараж мастера на все руки. Видя, в каком состоянии находятся приборы, ржавые рычаги и всякие железяки, я подумал, уж не лазил ли Рауль за ними по университетским помойкам. Экраны осциллографов потрескались, а электроды кардиографов потемнели от старости.

Однако я достаточно времени провел в лабораториях, чтобы знать, что безупречный порядок там бывает только в кино. В настоящей лаборатории не найдешь ни никелированных столов, ни белоснежных халатов, а сами ученые — это угрюмые типы в побитых молью свитерах.

Один мой друг, занимаясь очень важной темой — изучением движения мысли по закоулкам мозга, — сумел выбить для своей лаборатории всего лишь угол подземной парковки в госпитале Биша, где все звенело и подпрыгивало каждый раз, когда рядом проносился поезд метро. Из-за недостаточного финансирования мой друг не смог приобрести металлическую подставку для приемника мозговых колебаний, и ее пришлось заменить кусками фанеры, кое-как обмотанными скотчем и для прочности скрепленными кнопками. Да-да, даже во Франции научные исследования ведутся таким вот образом.

— Дорогой Мишель, здесь проводится самый грандиозный эксперимент нашего времени, — торжественно объявил Рауль, оторвав меня от размышлений. — Помнишь, раньше мы говорили с тобой о смерти, встречаясь на кладбище Пер-Лашез? Тогда я называл ее неисследованным континентом. Сейчас пришло время поднять над ним наш флаг.

Вот так раз. Клубок змей все-таки свалился мне на голову. Рауль Разорбак, мой лучший и давнишний друг, сошел с ума. Вот до чего доводят заигрывания со смертью! Видя мое изумление, он поспешил разъяснить:

— После покушения в Версале президент пережил NDE и поручил министру науки Бенуа Меркассьеру начать программу исследований клинической смерти. Оказалось, что Меркассьер читал в международных научных журналах мои статьи об искусственном анабиозе сурков. Он связался со мной и спросил, смогу ли я провести аналогичные опыты на человеке. Я тут же согласился. Очень может быть, что мои сурки побывали в загробном мире, но они не могли рассказать, что видели там. С людьми все иначе. Да, дорогой мой, правительство дало мне «зеленый свет» на исследования NDE с привлечением добровольцев. Наши добровольцы — это заключенные. Летчики-испытатели, которые отправляются на тот свет. Они... э-э... хм-м...

Он на секунду задумался, словно подбирал слово.

— Они...

Лицо его просветлело:

— Та-на-то-нав-ты. От греческого «танатос» — смерть и «наутис» — мореплаватель. Танатонавты. Вот хорошее слово. Танатонавт.

И он еще раз повторил:

— Танатонавт. Как космонавт или астронавт. Так мы и будем их называть. Наконец-то мы изобрели настоящий термин. Мы используем танатонавтов для занятий та-на-то-нав-ти-кой.

В подземелье Флери-Мерожи родился новый язык. Рауль сиял.

Блондинка принесла бутылку мозельского и печенье. Все выпили за первый термин. Один я оставался мрачен и оттолкнул бокал, который протягивал мне Рауль.

— Извините, не хочу портить вам настроение, но здесь, как я вижу, играют с жизнью. Задача этих господ, насколько я понял, завоевание Континента Мертвых, так?

— Верно, Мишель. Правда здорово? — Рауль воздел руку к грязному, покрытому пятнами потолку. — Поистине грандиозная задача, и для нашего поколения, и для будущих: разведка того света.

Я уперся.

— Рауль! Мадам! Господа, — сказал я очень спокойно, — я вижу, что должен вас покинуть. Не желаю иметь ничего общего с полоумными самоубийцами, пусть даже и получившими поддержку правительства. Счастливо оставаться.

Я решительно направился к выходу, но вдруг медсестра схватила меня за руку. Я впервые услышал ее голос:

— Пойдите. Вы нам нужны.

Это не было просьбой. Тон ее голоса был холодным, почти безразличным. Должно быть, именно так она требовала вату или хромированный скальпель.

У нее были глаза необычного цвета: светло-голубые, с коричневыми пятнышками посередине. Как острова в океане. Я провалился в них, как в бездну.

Девушка пристально смотрела на меня без малейшей улыбки. Словно то, что она разговаривала со мной, уже было величайшим подарком. Я отшатнулся. Мне не терпелось вырваться из этого жуткого места.

40. Полицейское досье

Фамилия: Баллю

Имя: Амандина

Цвет волос: блондинка

Глаза: светло-голубые

Рост: 169 см

Особые приметы: нет

Примечание: пионер движения танатонавтов

Слабое место: чрезмерное увлечение сексом

41. Мифология индейцев Амазонки

Когда-то Творец решил сделать людей бессмертными. Он приказал им: «Ступайте на берег реки. Вы увидите три проплывающие мимо пироги. Ни в коем случае не останавливайте первые две. Дождитесь третьей и обнимите Дух, который находится в ней».

При виде первой пироги, нагруженной гнилой плотью, кишачей грызунами и зловонной, объятые страхом индейцы отступили назад. Но когда появилась вторая лодка, они увидели там смерть в человеческом облике и побежали ей навстречу. Много, много позже появился Дух Творца в третьей пироге. С ужасом он увидел, что люди обняли смерть. Вот так они сделали свой выбор.

Отрывок из работы Фрэнсиса Разорбака «Эта неизвестная смерть»

42. По скользкой дорожке

Недели две я не слышал никаких новостей о моем бывшем друге, профессоре Разорбаке, и его танатомашине. Должен признаться, я был сильно разочарован. Рауль, кумир моей юности, начал воплощать свои фантазии, а я не испытывал ничего, кроме отвращения. Я даже думал, не сдать ли его полиции. Если в экспериментах со смертью вместо морских свинок участвуют люди, Рауля следует обезвредить.

И все же я не сделал этого — в память о нашей старой дружбе. Я повторял себе, что если Рауль, как он сам утверждает, получил поддержку главы государства, значит, ему предоставлены необходимые полномочия.

«Вы нам нужны», — сказала медсестра, и эта фраза меня преследовала. Для чего? Чтобы убивать людей? «Достаньте нам цианистого калия и крысиного яда — и до свидания?» Но ведь я дал клятву Гиппократу, я спасаю жизни, а не наоборот.

Когда Рауль вновь объявился, я хотел сказать ему, что не желаю больше слышать ни о нем самом, ни о его экспериментах, но что-то меня остановило. Может быть, наша старая дружба, а может, слова медсестры, все еще звучавшие в моих ушах.

Рауль пришел ко мне домой. Он выглядел постаревшим, издерганным. Видно было, что он давно не спал. Он прикуривал одну за другой тонкие сигареты с ментолом, делая не больше пары затяжек подряд.

— Мишель, не осуждай меня.

— Я и не осуждаю. Но я пытаюсь тебя понять и не могу.

— Кому важен человек по имени Рауль Разорбак? Важен только проект. Он важнее всего. Это величайшая задача нашего поколения. Все это шокировало тебя, но послушай, всех наших предшественников современники считали чудовищами. Веселый писатель Рабле по ночам ходил на кладбище и выкапывал трупы. Он изучал анатомию ради того, чтобы медицина шла вперед, хотя в те времена такие занятия считались преступлением. Но именно благодаря ему стало ясно, как работает система кровообращения, и теперь мы спасаем жизни переливанием крови. Мишель, если бы ты жил в то время, что бы ты ответил Рабле, если бы он попросил тебя о помощи?

Я задумался.

— Сказал бы «ладно», — ответил я наконец. — Ладно, потому что его пациенты были мертвы. Но твои подопытные кролики, Рауль... Ведь твои танатонавты — самые настоящие кролики!.. Они ведь живые! А ты делаешь все, чтобы умертвить их! Или я ошибаюсь? Да или нет?

В длинных нервных пальцах Рауля щелкала зажигалка, но огонь не появлялся. Или у него слишком дрожали пальцы, или кремль совсем истерся.

— Нет, не ошибаешься, — сказал он наконец. — Из пяти танатонавтов двое уже умерли. По глупости, просто оттого, что я не врач и не знаю, как их реанимировать. Я умею погрузить сурков в анабиоз и потом вернуть к жизни, но, когда дело касается людей, я бессилён. Я понятия не имею, как рассчитать точную дозу анестетика. И я прошу твоей помощи. Мне нужны твои знания и твоя изобретательность.

Я протянул ему спички.

— Да уж, анестезия — это моя специальность. Но вот отправлять людей в кому — это совсем другое дело.

Рауль встал и прошелся по комнате.

— Ну, подумай тогда. Придумай что-нибудь! Ты мне нужен, Мишель. Однажды ты мне

сказал, что я всегда могу на тебя рассчитывать. Вот и настал такой день. Ты мне нужен, Мишель, и я прошу тебя о помощи.

Конечно же, я хотел ему помочь. Как в старое доброе время. Вместе против дураков. Но на этот раз никаких дураков не было. Он решил бросить вызов чему-то холодному и неизвестному, что называют смертью. При одном только упоминании о ней люди осеняют себя крестом. А он отправляет ad patres^[10] несчастных, которые поверили ему. Делает это из чистого любопытства, потому что ему не дает покоя то, что случилось с его отцом. Или чтобы потешить самолюбие исследователя нового мира. Рауль, мой друг Рауль хладнокровно убивал людей, которые не сделали ему ничего плохого! Убивал во имя науки. Все во мне кричало: «Безумец!»

Он же смотрел на меня ласково, как старший брат.

— Знаешь китайскую поговорку? «Тот, кто задает вопросы, рискует прослыть глупцом на пять минут. Тот, кто не задает вопросов, останется глупцом на всю жизнь».

Я решил сражаться его же оружием.

— Есть еще более известная фраза, иудейская. «Не убий». Это одна из десяти заповедей. Ты найдешь ее в Библии.

Рауль прекратил расхаживать из угла в угол и крепко схватил меня за руки. Его ладони были горячими и влажными. Он впился в меня взглядом:

— Они забыли добавить еще одну: «Не умирай в невежестве». Согласен, возможно, пять, десять, пятьдесят человек умрут. Но ради чего! Если у нас все получится, мы узнаем, что такое смерть и люди перестанут ее бояться. Те парни в спортивных костюмах, которых ты видел в лаборатории, — заключенные. Это тебе известно. Но знаешь ли ты, что они еще и добровольцы? Я их специально отбирал. Всех их объединяет одно: пожизненное заключение, и каждый из них писал президенту прошение о замене этого приговора на смертную казнь. Они предпочли умереть, чем гнить в тюрьме. Я опросил больше пятидесяти таких человек. Оставил только тех, кто, как мне показалось, искренне хотел расстаться с жизнью, которая им уже осточертела. Я рассказал им о проекте «Парадиз», и они тут же загорелись.

— Потому что ты их обманул, — сказал я, пожимая плечами. — Они же не ученые. Они и понятия не имеют, что у них 99,999 % шансов лишиться шкуры в твоих экспериментах. И они все равно боятся смерти, даже если говорят, что нет. Все боятся смерти!

Рауль еще раз меня встряхнул, на этот раз сильнее. Мне было больно, но он не обращал внимания на мои попытки освободиться.

— Я их не обманывал. Никогда. Они знают о риске. Знают, что многие умрут, прежде чем кому-то из них удастся вернуться из комы. Это будет первопроходец. Он сделает первый шаг в завоевании мира мертвых. Это как лотерея — много неудачников на одного выигравшего.

Рауль сел, схватил бутылку виски и налил полный стакан. Снова закурил.

— Мишель, даже мы с тобой когда-нибудь умрем. И вот перед смертью мы себя спросим, что же мы сделали в жизни. Что-нибудь исключительное, оригинальное! Давай проложим новый путь. Если нам не удастся, другие продолжат. Танатонавтика только зарождается.

Его упрямство привело меня в уныние.

— Ты одержим невозможным, — вздохнул я.

— «Невозможно» — именно это говорили Христофору Колумбу, когда он утверждал, что яйцо может стоять.

Я горько улыбнулся:

— Ну, это просто. Достаточно стукнуть яйцом об стол.

— Да, но он первый это сделал. Я предлагаю тебе задачку. Она тебе покажется такой же невозможной, как и загадка о Колумбовом яйце.

Он вытащил из кармана пиджака записную книжку и карандаш.

— Можешь начертить круг и поставить точку в центре, не отрывая карандаша от бумаги? Чтобы я лучше понял, Рауль сам нарисовал круг с точкой посередине.

— Вот так, но не отрывая карандаша, — велел он.

— Это невозможно, и ты сам это знаешь!

— Не сложнее, чем поставить яйцо. Или чем завоевать Континент Мертвых.

Разглядывая круг с точкой, я задумчиво спросил:

— Ты правда знаешь решение?

— Да, я тебе сейчас покажу.

Этот самый момент и выбрал мой дорогой братец Конрад, чтобы ввалиться ко мне в квартиру без предупреждения. Дверь была незаперта, а он, понятное дело, не потрудился даже постучать.

— Привет честной компании! — жизнерадостно объявил он.

Я не испытывал ни малейшего желания продолжать разговор в присутствии моего брата-кретина.

— Сожалею, Рауль, но твое предложение меня не интересует. А твою задачку без обмана решить нельзя.

— Маловерный! — воскликнул Рауль.

Бросив визитную карточку на столик, он добавил:

— Если передумаешь, позвони.

С этими словами он удрал, даже не попрощавшись.

— Я, кажется, знаю этого типа, — заметил мой брат.

— Здорово, Конрад, — начал я так, словно был жутко рад его видеть. — Как твои делишки?

Но фонтан моего красноречия тут же иссяк, и я начал отчаянно скучать. Пришлось во всех подробностях вникать в «делишки Конрада». Он занимался импортом и экспортом «всего, что можно запихнуть в контейнер». Разбогател. Женился. Двое детей. Купил отличную корейскую спортивную машину, просто супер. Играл в теннис. Посещал знаменитые салоны, а в любовницах у него была компаньонка по бизнесу.

Конрад с удовольствием разглагольствовал о последних событиях своего счастливого бытия. Он чуть ли не даром приобрел несколько полотен известного художника, купил коттедж на морском побережье в Бретани, и «добро пожаловать, когда мне захочется помочь ему с ремонтом». Его дети отлично учились.

На моем лице застыла улыбка, но еще пара таких замечательных новостей, и я не смогу больше сдерживаться и от души врежу ему кулаком по физиономии. Ничто так не раздражает, как везение других. Особенно на фоне собственных неудач.

Три-четыре раза в неделю мне названивала мать.

— Ну что, Мишель, когда же ты мне наконец скажешь что-нибудь хорошенькое? Пора обзаводиться семьей. Посмотри, как счастлив Конрад!

Но этого ей было мало. Она перешла к активным действиям. Однажды, к моему великому удивлению, она предложила мне дать в газету объявление о знакомстве: «Знаменитый врач, богатый, интеллигентный, элегантный и одухотворенный, ищет женщину с такими же качествами». Ну или что-то в этом роде. Я был вне себя от бешенства!

Я все думал о загадке Рауля, а Конрад продолжал излагать подробности своей счастливой жизни. Он описал каждую комнату своего бретонского поместья и рассказал, как обвел вокруг пальца местных жителей, чтобы заполучить его за четверть цены.

Ох уж эта его снисходительная улыбка! Чем дольше он болтал, тем отчетливее звучало в его голосе снисхождение. «Бедный Мишель, — видимо, думал он. — Столько учиться, чтобы влачить такую одинокую, печальную и жалкую жизнь».

Да, это правда. В ту пору жизнь моя была хуже некуда.

Я жил один, по-холостяцки, в крошечной квартирке на улице Реомюра. Больше всего меня тяготило одиночество, и работа уже не приносила мне удовлетворения. По утрам я приходил в больницу. Просматривал карты пациентов, которым предстояла операция, готовил растворы, втыкал шприцы, глядел на экраны мониторов.

Я все еще не стал знаменитым анестезиологом, верховным жрецом в белых одеждах, и мечты, которые когда-то — очень давно — появились у меня после посещения больницы Святого Людовика, были все так же далеки от исполнения. Медсестры носили одежду под халатами. Некоторые были свободны, но соглашались на секс исключительно в надежде выйти замуж за врача, чтобы больше не работать.

Моя профессия не принесла мне ничего, кроме обманутых надежд.

В глазах начальников и подчиненных у меня не было никакого авторитета, а равные меня игнорировали. Я был всего лишь полезной вещью, рабочим винтиком с одной-единственной функцией: тебе дают пациента, ты его усыпляешь, его оперируют, и все по новой. Ни здравствуйте, ни до свидания.

Конрад трещал как сорока, а я думал: должно быть что-то еще. Не такое, как моя нынешняя жизнь и Конрадово благополучие. Определенно есть что-то еще.

Как же нарисовать круг и обозначить его центр, не отрывая карандаша от бумаги? Невозможно, решительно невозможно.

Я был несчастен, а Рауль ушел, забрав с собой свою одержимость, страсть, приключение, оставив меня в объятиях одиночества и отвращения к самому себе.

На столике, словно мираж, белела его визитная карточка.

Круг и точка в центре... Невозможно!

43. Буддистская философия

Как вы думаете, ученики, чего больше:

воды в огромном океане или слез, которые вы проливаете, совершая это долгое паломничество, мчась от нового рождения к новой смерти, вновь встречаясь с теми, кого ненавидите, и расставаясь с теми, кого любите;

страдая долгие века от боли, горестей, болезней и гнета кладбищенской земли;

достаточно долго, чтобы устать от существования;

достаточно долго, чтобы захотеть от всего этого избавиться?

«Поучения Будды».

Отрывок из работы Фрэнсиса Разорбака «Эта неизвестная смерть»

44. Дозрел

Потребовалось еще несколько недель разочарований, унижений и растущего раздражения, чтобы я решил наконец выбрать Рауля и его сумасбродство.

Немалую роль в этом сыграли беспрестанные звонки матери и неожиданные визиты моего брата. Добавьте сюда неудачу на любовном фронте (коллега променяла меня на дебила-стоматолога) и отсутствие хороших книг, которые могли бы хоть как-то подбодрить меня, — и вы поймете, что я созрел для Флери-Мерожи.

Однако к окончательному решению меня подтолкнула не тоскливая череда мелких неприятностей, а одна старушка, ожидавшая серьезной операции.

Я уже собирался сделать ей укол, когда ассистент предупредил, что хирург еще не готов. Я прекрасно понял, в чем дело. Этот придурок развлекался в раздевалке с медсестрой. Наркоз пациентке можно будет дать не раньше чем они закончат. Потом ей удалят опухоль, а шансы, что она выживет, один к двум.

Какой бред! Цивилизации пять тысяч лет, но нам все равно придется подождать, пока хирург не кончит трахать медсестру!

— Почему вы смеетесь? — спросила старушка.

— Да нет, ничего. Это нервное.

— Вы напомнили мне мужа. Я очень любила слушать, как он смеется. Он умер от разрыва аорты. Ему повезло, он этого даже не заметил. И ушел... в хорошем настроении.

Для нее самый смех мужа прозвучал похоронным колоколом.

— Эта операция поможет мне наконец встретиться с ним.

— Перестаньте сейчас же! Доктор Леви настоящий профи.

Старушка покачала головой:

— Нет, я хочу отдохнуть. Хватит мне уже доживать век одной. Я хочу к мужу. Туда. В рай.

— Вы верите, что есть рай?

— Конечно. Если жизнь просто кончается, и все — это очень страшно. Обязательно есть что-то после. Я опять встречу с моим Андре — в раю или в другой жизни, мне все равно. Мы так сильно и так долго любили друг друга!

— Не говорите так. Доктор Леви вас вылечит.

Я возражал все более неуверенно, потому что уже не раз видел, как этот врач совершает ошибки.

Старушка смотрела на меня, как доверчивый щенок.

— Как же быть? Неужели я и дальше должна жить совсем одна в огромной квартире, наедине со своими воспоминаниями?.. Какой ужас!

— Но ведь жизнь...

— Невеселая штука, правда? Жизнь без любви — это переход через долину слез.

— В жизни есть не только любовь, есть еще...

— Что? Цветы, птички? Глупости! У меня в жизни не было ничего, кроме Андре, и я жила только для него. А теперь эта опухоль... Мне повезло.

— У вас есть дети? — спросил я.

— Конечно. Ждут не дождутся наследства. После операции они будут вам звонить, чтобы узнать, можно ли немедленно завладеть новой машиной или придется немного подождать.

Наши глаза встретились. С моих губ сами собой сорвались слова:

— А вы знаете, как нарисовать круг и поставить в центре точку, не отрывая карандаша от бумаги?

Старушка рассмеялась:

— Ну и вопрос! Это в детском саду уже знают.

Взяв носовой платок вместо листа бумаги, она показала мне, как это делается. Я пришел в восторг. Решение было таким простым!

Старушка весело подмигнула. Она оказалась из тех, кто понимает, почему иногда ерунде уделяют столько внимания.

— Достаточно как следует подумать, и все получится, — сказала она.

Я подумал, что Рауль действительно гений. Гений, который может нарисовать круг и поставить точку в центре, не отрывая карандаша от бумаги, имеет право бросить вызов смерти...

Толкая перед собой столик с инструментами, вошли две темнокожие санитарки, а за ними и самодовольный хирург.

Через пять часов старушка умерла. Леви в бешенстве сорвал перчатки. Он ругал всех и вся. Больная слишком ослабла, с операцией слишком долго тянули, на что тут можно было надеяться...

— Пойдем попьем пива? — предложил он мне.

Раздался телефонный звонок. Это были старушкины детки. Я швырнул трубку. Рука уже искала в кармане визитную карточку Рауля.

45. Учебник истории

Неизвестно, как именно появилась танатонавтика. Согласно некоторым историкам у ее истоков стояла группа друзей, решивших провести необычный эксперимент. По другим данным, первыми танатонавтами двигало исключительно стремление к материальному благополучию. Они хотели быстро разбогатеть, прорвавшись в совершенно новый мир.

Учебник истории, вводный курс для 2 класса

46. Вперед

Я понимал, что Рауль предложил мне стать соучастником будущих преступлений. Преступлений во имя науки или мечты покорить тот свет.

Мне все еще было не по себе от мысли, что мы отправляем людей на смерть, чтобы удовлетворить собственное любопытство, но в то же время я горел желанием придать хоть чуть-чуть остроты своему существованию.

Я обратился за советом к монеткам, усовершенствовав метод Рауля, — подбросил не одну, а сразу три монетки. Это придавало решению больше нюансов. Орел-орел-орел означало «однозначно да». Орел-орел-решка — «пожалуй, да». Решка-решка-орел — «пожалуй, нет». Решка-решка-решка — «однозначно нет».

Монеты взлетели к потолку. Упали одна за другой.

Орел-орел-решка: «пожалуй, да». Я взял телефонную трубку.

В тот же вечер страшно довольный Рауль явился в мою маленькую квартирку и долго рассказывал о проекте. Его руки порхали, как два хлопчущих голубя. Он был словно опьянен своими словами.

— Мы станем первыми! Мы завоюем чудесный континент!

На одной чаше весов — чудесный континент, на другой — клятва Гиппократата. Я пытался удержаться на последней линии обороны. Если дело обернется плохо, я всегда смогу убедить себя, что Рауль заставил меня.

Мой друг сыпал аргументами:

— Галилея тоже считали сумасшедшим!

Сначала Колумб, теперь Галилей... Судьба несчастного Галилея давно служила оправданием множеству безумцев. На него удобно было ссылаться...

— Ладно, допустим. Галилея считали сумасшедшим, а он оказался совершенно здоров. Но сколько настоящих психов на одного несправедливо обвиненного Галилея?

— Смерть... — начал было Рауль.

— Смерть? Да я каждый день встречаюсь с ней в больнице! Умиравшие что-то не похожи на твоих танатонавтов. Через несколько часов от них начинает смердеть, руки и ноги у них коченеют. Смерть — это распад, в результате которого получается груда мертвой плоти.

— Плоть гниет, душа парит, — философски заметил мой друг.

— Ты же знаешь, я был в коме, и моя душа нигде не парила.

Рауль огорчился:

— Бедный Мишель, тебе просто не повезло.

Я должен, должен был сказать Раулю, что прекрасно понимаю, почему он так интересуется смертью: из-за самоубийства его отца. Не проект «Парадиз» ему нужен, а хо-ороший сеанс психоанализа. Но... орел-орел-решка. Я уже выбрал.

— Ладно, я согласен. Ты уже говорил о первых неудачах из-за неправильной дозы анестетиков. А что ты теперь используешь, чтобы вызвать кому?

Рауль просиял, прижал меня к груди и захохотал. Он понял, что победил.

47. Китайская философия

Хочешь научиться жить? Научись сначала умирать.

Конфуций.

Отрывок из работы Фрэнсиса Разорбака «Эта неизвестная смерть»

48. Прекрасная Амандина

Ресницы хорошенькой медсестры были полуопущены, но на этот раз я расценил ее молчание как беззвучное поздравление.

Мне казалось, что я давно знаком с ней. Она была похожа на Грейс Келли из хичкоковского фильма «Окно во двор». Но конечно, Амандина была гораздо красивее.

Похоже, в ангаре Флери-Мерожи все были рады меня видеть. Присутствие врача-анестезиолога вселило уверенность и в экспериментаторов, и в кандидатов на тот свет.

Рауль познакомил нас. Медсестру звали Амандина, а будущих танатонавтов — Клеман, Марселлин и Хьюго.

— У нас было пять танатонавтов, — напомнил наш капитан. — Двое скончались из-за передозировки медикаментов. В одночасье ведь не стать анестезиологом. Итак, добро пожаловать в нашу команду!

Трое заключенных в спортивных костюмах кивнули мне.

Рауль подвел меня к лабораторному стеллажу.

— Ты будешь идти вперед вместе с нами. Мы вместе проникнем на неизвестную территорию. До нас этого никто не делал. Мы похожи на первопроходцев, когда-то ступивших на землю Америки или Австралии. Откроем же свою Новую Австралию и поднимем над ней наше знамя!

Затем профессор Разорбак снова посерьезнел. Безумие в его глазах погасло, уступило место желанию как можно скорее приступить к работе.

— Покажем доктору Пэнсону, как мы входим в коматозное состояние, — сказал он.

Марселлин, самый низкорослый из добровольцев, тут же уселся в обшарпанное стоматологическое кресло. Медсестра принялась прикреплять к его груди и голове электроды, датчики для измерения температуры, влажности и частоты пульса, соединенные проводами с экранами, на которых мелькали зеленые линии.

— Ну, была не была!

Вот так все и началось. Я включился в игру. Осмотрев содержимое стеллажей и шкафов, я начал расшифровывать надписи на этикетках, обдумывая состав смеси для погружения в кому.

Физиологический раствор для расширения вен, тиопентал для анестезии и хлорид калия для снижения частоты сердцебиения...

Последнее время в некоторых штатах Америки, где существовала смертная казнь, этот состав предпочитали цианиду или электрическому стулу. Я надеялся, что если сильнее разбавить хлорид калия, то частота сердцебиения замедлится, однако это не приведет к полной остановке сердца и позволит совершить медленный переход к коматозному состоянию, которое отчасти будет контролироваться головным мозгом. И мной.

С помощью Рауля и трех кандидатов в танатонавты я соорудил довольно хитроумное устройство: небольшой штатив высотой сантиметров двадцать, на котором висел вместительный бачок с физиологическим раствором, бачок поменьше с тиопенталом и еще один с хлоридом калия. Я разработал систему электрических таймеров для краников на трубках — по ним каждое вещество начнет поступать в тот момент, который я сочту наиболее подходящим. Тиопентал будет подаваться через двадцать пять секунд после инъекции физиологического раствора, а хлорид калия — тремя минутами позже. Все будет вводиться через одну трубку с инъекционной иглой на конце.

Этот агрегат я окрестил «ракетоносителем». Танатонавт сам будет приводить его в действие при помощи грушевидного выключателя, который запустит таймеры. Сам того не

осознавая, я изобрел первую танатомашину для покорения страны мертвых. Думаю, сейчас этот «ракетоноситель» находится в Вашингтоне, в экспозиции Смитсоновского института.

Мои пыл и уверенность вдохновляли помощников. Рауль был прав. Каждой технической проблеме — техническое решение. Особенно доволен я был своим выключателем — никакой прямой ответственности. Я не хотел стать палачом.

Заинтересованное лицо само решало, когда стартовать, и в случае неудачи это считалось бы просто самоубийством.

Я попросил Амандину ввести иглу в вену Марселлина. Она крепко взяла танатонавта под локоть и вонзила ему в вену здоровенную иглу, пролив при этом лишь капельку крови. Марселлин даже не поморщился.

Я вложил в его влажную ладонь грушу выключателя и объяснил:

— Когда нажмете на эту кнопку, включится электронасос.

Я чуть было не сказал: «Включится смерть».

Марселлин выглядел заинтересованным, как будто я рассказывал ему об автомобильном двигателе.

— Ну что, порядок? — спросил Рауль.

— Все путем. Я доверяю нашему доктору на все сто. А что будет дальше? — спросил Марселлин.

Он смотрел на меня, как ребенок, который верит в Деда Мороза, как игрок, которому кажется, что он вот-вот сорвет банк.

Я замялся:

— Ну-у...

— Да ладно, не суетись. Разберемся. — И Марселлин лихо подмигнул.

Смелый парень. Даже меня хотел ободрить. Зная, что впереди его ждет тяжелое испытание, он пытался снять с меня вину за то, чем все это могло закончиться. Мне хотелось сказать ему: «Беги отсюда, пока не поздно!» Но Рауль, заметив мою нерешительность, тут же вмешался:

— Bravo, Марселлин, отлично сказано!

Все захлопали. И я тоже.

Чему мы аплодируем? Не знаю. Может быть, моей «ракете на тот свет», храбрости Марселлина, а может быть, красоте Амандины, которая казалась здесь совершенно неуместной? Да-а, такой куколке только в манекенщицы. А здесь она станет соучастницей убийства.

— Приступаем к отправке души! — объявил Рауль и потушил сигарету.

Марселлин сиял, как начинающий альпинист, собравшийся подняться на Эверест в новых прогулочных туфлях. Он отдал нам честь, и это вовсе не было похоже на последний жест приговоренного к смерти. Мы ободряюще улыбались в ответ.

— Ну, счастливого пути!

Амандина накрыла нашего туриста охлаждающим одеялом. Я в последний раз проверил оборудование.

— Готов?

— Готов!

Амандина включила видеокамеру. Марселлин перекрестился. Он закрыл глаза и начал медленно считать:

— Шесть... пять... четыре... три... два... один... Пуск!

И решительно нажал на выключатель.

49. Мифология индейцев Майя

Индейцы майя верили, что после смерти отправляются в ад, называвшийся Митнал, где демоны пытают душу холодом, голодом, жаждой и подвергают другим страданиям.

У майя существовало девять повелителей ночи, соответствовавших девяти подземным владениям ацтеков.

Душа покойника должна пересечь пять рек, полных крови, пыли и шипов. Достигнув перекрестка, она подвергается испытаниям во дворце раскаленной золы, дворце ножей, дворце холода, дворце ягуаров и дворце вампиров.

Отрывок из работы Фрэнсиса Разорбака «Эта неизвестная смерть»

50. Подопытного Марселлина любила нежно Амандина

Мы напряженно следили за экранами приборов. Сердце Марселлина пусть слабо, но все еще билось. Его пульс упал гораздо ниже частоты сердцебиений человека, погрузившегося в глубокий сон. Температура тела снизилась почти на четыре градуса.

— Сколько уже прошло? — спросил один из заключенных.

Амандина взглянула на часы. Я знал, что прошло больше получаса после того, как Марселлин совершил свой великий прыжок, и уже двадцать минут, как он находился в глубокой коме.

Лицо его напоминало лицо спящего.

— Пусть все получится! Пусть все получится! — словно заклинание, твердили Хьюго с Клеманом.

Я протянул руку, чтобы на ощупь оценить состояние Марселлина, но Рауль остановил меня.

— Не трогай пока. Его нельзя слишком рано будить.

— Но как мы узнаем, что получилось?

— Если откроет глаза, то получилось, — рассудил начальник проекта «Парадиз».

Каждые десять секунд раздавался мелодичный сигнал электрокардиографа, похожий на сигнал гидролокатора атомной подводной лодки, плывущей в океанских глубинах. Тело Марселлина по-прежнему лежало на стоматологическом кресле. Но где была его душа?

51. Еще один

Более часа я совершал отчаянные попытки вернуть Марселлина к жизни. Но кардиомассаж не помог. Как только электрокардиограф смолк, началась паника. Амандина растирала Марселлину руки и ноги, Рауль надел на него кислородную маску. Мы вместе считали «раз, два, три», и я обеими руками давил на грудную клетку танатонавта в области сердца. Рауль вдвух Марселлину воздух через ноздри, чтобы возобновить дыхательную активность.

Электрошок не помог, хотя глаза и рот Марселлина открылись. Его глаза были пусты, уголки губ опустились. Обливаясь потом, мы бились над неподвижным телом.

Чем очевиднее становилось, что нужно смириться со смертью Марселлина, тем настойчивее звучал в моей голове вопрос: «Чем это я здесь занимаюсь?», от которого я тщетно пытался отмахнуться.

Ну так и чем же я занимаюсь?

Я хотел оказаться где-нибудь в другом месте и заниматься чем-то другим. Никогда не принимать участия в этой затее.

Слишком поздно, Марселлина не вернуть к жизни. Слишком поздно. Мы все это знали, но отказывались признать. В особенности я. Это было мое первое «убийство», и, должен сказать, становится чертовски не по себе, когда человек говорит тебе «Пока!», а несколько минут спустя ты стоишь и смотришь на его тело, мертвое, как засохшее дерево.

Рауль выпрямился.

— Он уже слишком далеко, — в бешенстве пробормотал он. — Он слишком далеко ушел. Его уже не оживить.

Амандина выбилась из сил, растирая тело Марселлина. Капли пота выступили у нее на лбу и, стекая по пунцовым щекам, капали на блузку. Ситуация была трагическая, но в то же время я думал, что это, пожалуй, самый эротичный эпизод в моей жизни. Какое зрелище! Красивая молодая женщина борется со смертью голыми руками! Эрос всегда ходит рука об руку с Танатосом. И тут я понял, почему мне кажется, что я уже давно знаком с Амандиной. Она была похожа не только на Грейс Келли, но и на ту самую медсестру, которую я увидел, очнувшись после аварии в далеком детстве. Та же ангельская внешность, те же родинки, и от нее тоже пахло абрикосовыми духами.

Человек только что умер, а я пялюсь на медсестру. К горлу подступила тошнота.

— Что будем делать с трупом? — спросил я.

Рауль ответил не сразу. С отчаянной надеждой он смотрел на Марселлина.

Потом, опомнившись, ответил:

— Президент нас прикроет. В каждой тюрьме есть норма на самоубийства. Марселлина спишут на эти четыре процента, вот и все.

— Это преступление! — воскликнул я. — Как я мог влезть в эту дикую авантюру? Ты обманул меня, Рауль! Ты предал нашу дружбу, втянул меня в это безумное дело! Вы все просто отвратительны! Человек умер из-за того, что вы не отдаете себе отчета в том, что творите. Ты обманул и меня, и его.

Рауль встал — воплощенное достоинство и самообладание — и вдруг схватил меня за ворот. Глаза его горели. Он яростно бросил мне в лицо:

— Нет, я тебя не обманывал! Но цель настолько велика, что мы обязательно столкнемся с неудачами, прежде чем добьемся успеха. Рим не сразу строился. Мы уже не дети, Мишель! Это не игра, и нам придется дорого заплатить за победу. Дорого, иначе все было бы слишком просто. А если бы это было просто, то кто-нибудь уже сделал бы это. Победа будет трудной.

Я слабо защищался:

— Если вообще будет! Мне это кажется все более невероятным.

Рауль отпустил меня. Он взглянул на лицо Марселлина с широко открытым ртом. Смотреть на это было невозможно. Рауль вставил Марселлину между зубами винтовой зажим, закрепил и стал затягивать, чтобы соединить челюсти. Потом обернулся.

— Может, вы тоже думаете как Мишель? У вас еще есть время, если хотите отказаться.

Рауль ждал нашей реакции, а мы смотрели на тело Марселлина. Его лицо выглядело дико из-за зажима рот между впалыми щеками теперь был похож на птичий клюв.

— Я отказываюсь! — воскликнул Клеман. — Я верил доктору, мы все ему верили... Но он просто не может бороться со смертью! Если вы собираетесь прикончить десять тысяч парней, прежде чем у вас что-то получится, то вам придется обойтись без меня. И не уговаривайте! Обещаю никогда и никому не рассказывать о вашем проекте. Мне страшно, очень страшно!

— А ты, Хьюго? — спросил Рауль ровным голосом.

— Я остаюсь! — крикнул доброволец.

— Хочешь быть следующим танатонавтом?

— Да! Лучше сдохнуть, чем возвращаться в камеру! — Он кивнул в сторону трупа. — Ему, по крайней мере, больше не придется сидеть в клетке.

— Отлично, — сказал Рауль. — А ты, Амандина?

— Остаюсь, — бесстрастно ответила она.

Я не верил своим ушам.

— Да вы спятили, честное слово! Клеман прав. Вы готовы убить десять тысяч человек, чтобы добиться хоть какого-то результата. На меня больше не рассчитывайте.

Сорвав с себя белый халат, я швырнул его на стеллаж. Несколько бутылей разбилось, в комнате запахло эфиром.

И я ушел, хлопнув дверью.

52. Докладная записка

От кого: Бенуа Меркассьер

Кому: президенту Люсиндеру

Согласно вашим указаниям, эксперименты начались. Научно-исследовательская группа состоит из профессора-биолога Рауля Разорбака, специалиста в области анабиоза сурков, и доктора Мишеля Пэнсона, врача-анестезиолога. Им ассистирует медсестра Амандина Баллю.

Пятеро заключенных согласились участвовать в опытах. Проект «Парадиз» запущен.

53. Состояние души

Меня трясло, когда я возвращался домой. Очутившись один, я завыл, как волк на луну, но шок, вызванный смертью Марселлина, все не отпускал. Что делать? Продолжать — плохо. Бросить еще одного танатонавта на верную гибель — плохо. И я выл. Соседи стали колотить в стенку. Они добились своего: я умолк, хотя и не успокоился.

Меня раздирали противоречия. Я не хотел думать, что больше не увижу Амандину, но в то же время не испытывал никакого желания погружать людей в кому. Идеи Рауля меня увлекали, но я не желал снова брать на свою совесть чужую смерть. Не хотел я и жить в вечном одиночестве. Сама мысль вернуться к постылой работе в больнице была мне противна. В одном Рауль прав: этот проект страшен, но это грандиозная авантюра. Это приключение!

Он ненормален, ему не дает покоя самоубийство отца. Но Амандина... Что заставило ее пойти на это? Может быть, она тоже верит, что станет первооткрывателем нового мира? У Рауля язык хорошо подвешен...

Я глушил портвейн стакан за стаканом, пока совершенно не опьянел. Попробовал заснуть, читая романы. Опять я один в постели, да еще и смерть Марселлина на совести. Простыня казалась ледяной, как термоодеяло.

На следующее утро я пил кофе со сливками в бистро на углу и подумал: а что, если Марселлин умер из-за того, что ему ввели слишком много хлорида калия? Это высокотоксичное вещество, надо бы уменьшить дозу.

Это задача как раз для анестезиолога.

Как правило, мы используем три класса анестетиков. Наркотики, морфины и кураре. Я обычно применял наркотики, но, возможно, для «смерти-лайт» больше подходит кураре?

Хм-м. Нет. Продолжу с наркотиками.

Я понемногу погружался в чисто технические проблемы. Включились профессиональные рефлексы. В памяти всплывал университетский курс химии.

«Может, взять пропофол? — думал я. — Это новый наркотик с улучшенными характеристиками. Пробуждение после него обычно наступает через пять минут. Нет, пропофол плохо сочетается с хлоридом. Значит, придется остановиться на тиопентале. Да, но в каком количестве? Обычно берут пять миллиграммов на килограмм веса. Пять миллиграммов — минимальная доза, десять — максимальная. Я дал Марселлину 850 миллиграммов, а он весил 85 кило. Может, снизить дозу...»

В два часа дня я позвонил Раулю. Мы снова встретились на танатодроме Флери-Мерожи. Заключение опять осыпало нас оскорблениями. Бесполезно объяснять им, что Марселлин добровольно покончил с собой. Мы встретили начальника тюрьмы, который не сказал нам ни слова, даже не взглянул в нашу сторону.

Хьюго, напротив, добродушно приветствовал нас.

— Не волнуйтесь, доктор. Прорвемся!

Но я беспокоился не о себе, а о нем.

Я уменьшил дозы. 600 миллиграммов для Хьюго, который весил 80 килограммов. Должно хватить.

Рауль следил за всеми моими манипуляциями. Думаю, он хотел научиться все делать сам, если я совсем откажусь с ним работать.

Амандина протянула Хьюго стакан свежей прохладной воды.

— Последний глоток приговоренного? — пошутил тот.

— Нет, — ответила она совершенно серьезно.

Танатонавт лег на кресло. Мы действовали как обычно: укрепили датчики, измерили пульс и температуру, накрыли добровольца термоодеялом.

— Готов?

— Готов.

— Готова! — отозвалась Амандина, поднимая видеокамеру.

Хьюго пробормотал молитву, широко перекрестился и тут же начал отсчет, словно хотел как можно быстрее со всем этим покончить:

— Шесть, пять, четыре, три, два, один, пуск!

Поморщившись, словно проглотил горькую пилюлю, он нажал на выключатель.

54. Японская мифология

Японцы называют страну мертвых Ёми. Рассказывают, что бог Идзанаги однажды отправился туда в поисках своей сестры Идзанами, которая была и его женой. Когда он ее там встретил, то стал упрашивать вернуться в мир живых. «О мой муж, почему ты пришел так поздно? — ответила Идзанами. — Я вкусила пищу, приготовленную в стране мертвых, и теперь должна остаться здесь. И все же я хочу попытаться упросить, чтобы меня отпустили. Жди и ни в коем случае не смотри на меня».

Но Идзанаги решил-таки взглянуть на свою сестру-супругу. Нарушив запрет, он взял гребень, вытащил с его помощью зуб изо рта и превратил его в пылающий факел. И тогда он сумел разглядеть Идзанами. Ее глодали черви, в которых превратились восемь богов грома. Охваченный страхом, он бросился прочь, думая, что совершил ошибку, придя туда, где царит ужас и тлен. Разгневанная тем, что он ее покинул, Идзанами послала чудовищ вдогонку за Идзанаги, но тот сумел от них убежать.

Тогда Идзанами ринулась за ним сама. Идзанаги устроил ей ловушку в одной из пещер. Когда оба божества стали произносить формулу развода, Идзанами воскликнула: «Каждый день я буду хватать по тысяче людей твоей страны как плату за твое предательство». — «А я каждый день буду рождать по полторы тысячи», — ответил ей Идзанаги.

Отрывок из работы Фрэнсиса Разорбака «Эта неизвестная смерть»

55. Еще десяток

Хьюго так и не вернулся. Он застрял на полпути между Континентом Мертвых и миром живых. Он не умер, но остался в коме, с остановившимся взглядом и почти прямыми линиями энцефалограммы и электрокардиограммы. Он превратился в «овоц», как говорят врачи. Сердце и мозг Хьюго функционировали, но он не мог ни двигаться, ни говорить.

Я добился, чтобы его забрали в службу сопровождения умирающих нашей больницы. Хьюго отвели отдельную палату, а много лет спустя перевезли в Смитсоновский институт в Вашингтоне и поместили в музей смерти, чтобы любой мог видеть, что происходит с тем, кто застревает между двумя мирами.

Когда я думаю о нашей второй попытке, мне кажется, что она вполне могла получиться. В любом случае этот эксперимент оказался очень ценным, потому что помог мне определить правильное соотношение тиопентала и хлорида калия.

Но мы потеряли пятерых добровольцев. Три трупа, дезертир и «овоц». Славно, нечего сказать!

Рауль немедленно вцепился в Меркассьера, чтобы нам дали новых подопытных. Министр снова получил разрешение президента Люсиндера, и начался безжалостный отбор. Нам нужны были приговоренные к пожизненному заключению, а из них те, кто стремился вырваться из тюрьмы. Стремление к самоубийству допускалось, но не слишком сильное. Нам нужны были люди в здравом уме, не наркоманы и не алкоголики.

Особенно важным было вот что. Добровольцы должны были иметь отменное здоровье, чтобы выдержать дозу хлорида калия и отправиться на тот свет в добром здравии.

В один прекрасный день перед нами предстал громила Мартинес, вожак шайки, напавшей когда-то на нас с Раулем. Он нас не узнал. Я вспомнил слова Лао-цзы: «Не пытайся отомстить, если кто-то обидит тебя. Сядь на берегу реки, и вскоре труп врага проплывет мимо тебя».

Мартинес попал в тюрьму из-за какой-то темной истории, связанной с попыткой ограбления. К тому времени он изрядно растолстел и уже не мог бегать так быстро, как его сообщники. Боксировал он хорошо, но на ноги был слабоват. Полицейский, загнавший задыхающегося Мартинеса в угол, был в гораздо лучшей форме. В результате этого ограбления погибли два человека. Суд не нашел никаких смягчающих обстоятельств, и Мартинес получил пожизненный приговор.

Он с блеском прошел отборочные испытания в отряд танатонавтов и рвался принять участие в эксперименте, который мог сделать его знаменитостью. Он верил в свою звезду, позволившую ему выдержать предварительное тестирование, связанное с достаточно высоким риском.

— Знаете, господа врачи, — хвастался Мартинес, — меня ничем не испугаешь!

Действительно, когда они вшестером напали на нас с Раулем, он совершенно не боялся моих слабых кулаков.

Рауль объявил, что ничего не имеет против Мартинеса и считает его отличной кандидатурой. А вот я предпочел бы исключить его из нашего списка. Я слишком хорошо помнил его удары и опасался, что допущу ошибку при расчете дозы. Так просто он бы от меня не ушел. Не в силах более сдерживаться, я его вычеркнул.

Мартинес вопил, что нам нужны только идиоты, что мы лишаем его шанса разбогатеть и прославиться. Он начал оскорблять нас.

Хорошо еще, что он нас не узнал! А то вполне мог бы накатать жалобу, что мы сводим с ним старые счеты!

Итак, среди следующих пяти танатонавтов Мартинеса не было. Точнее, среди следующих пяти умерших. Я больше не думал о смерти. Мне казалось, что я просто запускаю петарды в небо. Они взрываются на старте? Значит, нужно что-то исправить, и рано или поздно у нас получится правильный фейерверк.

Третья серия подопытных кроликов. Среди них был некто по имени Марк.

Датчики, замер пульса и температуры, термоодеяло. Рауль кричит:

— Готовы?

Мы хором отвечаем:

— Готовы!

Будем надеяться, что парень не умрет от страха. Его бросает то в жар, то в холод. Он даже не перекрестился.

— Шесть... пять... четыре... три... два... один с половиной... один с четвертью... один... п-п... п-пуск? Ладно, п-пуууууск! — неуверенно проговорил он.

И дважды нажал на выключатель блестящим от пота пальцем.

56. Мифология Месопотамии

В мифологии Месопотамии страна мертвых называется «страной, откуда не возвращаются».

Не видят более света
Те, что туда проникают.
Пыль да земля с золою —
Вот что там их питает.
Как птицы они одеты,
Прахом покрыто все:
Двери, замки, засовы...
Больше здесь нет ничего.

Однажды прекрасная Иштар, богиня любви, спустилась в ад. Согласно древним обычаям, Эрешкигаль, царица ада, приказала одному из стражей встретить Иштар. Всякий раз, когда Иштар проходила сквозь одни из семи ворот, ведущих в ад, она скидывала с себя одежды и украшения: платье и корону, серьги, ожерелье, амулеты, пояс, браслеты, кольца и даже рубашку. Обнаженной Иштар предстала перед Эрешкигаль, которая подвергла ее шестидесяти пыткам.

Людям пришлось туго, пока Иштар была заточена в аду, потому что без нее земля не давала плодов.

С тех пор как богиня Иштар
Спустилась в страну без возврата,
Быки потеряли всю силу,
Мужья позабыли о женах.

Люди отправили к Эрешкигаль посла. Когда тот попросил, чтобы Иштар разрешили отпить из сосуда с живой водой, царица прокляла его.

Отныне жижга гнилая
Становится пищей твоею,
Останешься жить на пороге,
В тени земляного вала.
И пьяницы будут хлестать
Тебя по заплаканным щекам.

Похоже, что посла отправили в ад, чтобы обменять на Иштар. Так люди хотели вернуть земле плодородие. И действительно, через некоторое время Эрешкигаль приказала окропить Иштар живой водой и отвести обратно. Когда она проходила через семь ворот, ей возвращали ее вещи. Вот как получилось, что на земле все вернулось на круги своя.

Отрывок из работы Фрэнсиса Разорбака «Эта неизвестная смерть»

57. Осечка

Массаж. Искусственное дыхание. Электрошок.

Марк открыл глаза, и мы уставились на него.

Неужели наконец получилось?

Наш герой вывел нас из ступора, выскочив из кресла. В сильном возбуждении он принялся крушить все вокруг и при этом дико кричать:

— Я их видел, видел! Они там! От них не убежать, они везде!

— Кто? Да кто же? — требовал ответа Рауль.

— Черти! Всюду черти! Они хотят сварить меня в огромном котле! Я не хочу умирать! Не хочу их больше видеть! Никогда, ни за что!

Марк уставился на меня тусклыми зрачками и зашипел:

— И ты, ты тоже черт! Одни черти кругом!

Он швырнул в меня бутылку с химикатами. Потом, схватив пригоршню шприцев, стал гоняться за Амандиной и воткнул один ей в ягодицу. Когда я попытался его перехватить, он рассек мне лоб ланцетом. У меня до сих пор есть этот шрам.

Все это несколько охладило наш пыл. Сначала «овощ», теперь сумасшедший! Припадок Марка даже на Рауля произвел впечатление. И в то же время мы не переставали спрашивать друг друга: «А что, если и вправду получилось? Что, если Марк действительно принес свидетельство с того света? Не его вина, что он не запомнил ничего, кроме ужаса».

Тем не менее видеопленку с записью эксперимента мы уничтожили, а Марка отправили в психиатрическую больницу. Все же он был первым подопытным, пережившим NDE. Может, у него не осталось никаких воспоминаний о светящихся туннелях, но он вернулся в свое тело невредимым, если не считать потери рассудка.

В тот вечер я подвез Амандину. Она то клала ногу на ногу, то опять садилась ровно. Царапина на ягодице оказалась пустяковой, а вот мне наложили двадцать пять стежков на лоб.

Черное платье Амандины — она всегда одевалась в черное — шуршало невероятно соблазнительно.

Пережив такую встряску, она не хотела возвращаться домой на электричке. И нам обоим не улыбалось провести вечер в одиночестве.

Сидя за рулем, я пробормотал:

— Может, нам пора остановиться?

Это ее вечное молчание... Я всегда себе говорил: «Она так красива и всегда молчит. Наверное, она думает о разных замечательных вещах». Но сегодня меня ее молчание не устраивало. Она же не была просто куклой. Она тоже видела этих людей — умерших или сошедших с ума.

Я продолжал:

— Сколько бессмысленных смертей! И все ради совершенно ничтожного результата... Что вы об этом думаете? С тех пор как мы познакомились, я ни разу не слышал от вас больше двух-трех слов подряд. Мы ведь работаем вместе... Нам нужно поговорить. Вы должны помочь мне остановить Рауля. Все это зашло слишком далеко. Без вас мне никогда не удастся его убедить.

Амандина снизошла до того, чтобы взглянуть на меня. Смотрела она долго, не мигая. Приоткрыла рот. Кажется, она собралась что-то сказать.

— Вовсе нет.

— Что — нет?

— Мы должны продолжать, чтобы все эти смерти не оказались напрасными. Танатонавты

знают, чем рискуют. Они знают, что их смерть повышает шансы тех, кто идет следом.

— Но это как в покере — блеф за блефом в надежде отыграться! — воскликнул я. — А еще это верный способ проиграть все до нитки. Пятнадцать жертв! Не научный проект, а бойня!

— Мы первопроходцы, пионеры, — ответила Амандина ледяным тоном.

— Знаете, есть поговорка: «Кто такой настоящий пионер? Это тот, кто валяется в прерии со стрелой в спине».

Амандина раздраженно возразила:

— Вы думаете, мне наплевать на то, что они умирают? Все наши танатонавты были замечательными, храбрыми людьми!..

Голос ее дрожал, но она впервые произнесла два предложения подряд. Я продолжал ее провоцировать:

— Это не смелость, это тяга к самоубийству.

— Тяга к самоубийству? По-вашему, Христофор Колумб, отправившийся на край света в скорлупке, был законченным самоубийцей? А Юрий Гагарин в железной бочке на орбите? Он тоже самоубийца? Без таких людей мир не узнал бы прогресса!

Вот, опять! Галилей, Колумб, а теперь еще и Гагарин. Сколько прекрасных примеров, чтобы оправдать массовые убийства!

Амандина горячилась и упорно обращалась ко мне на «вы».

— Я думаю, что вы ничего не понимаете, доктор Пэнсон. Вас не удивило, что у нас столько добровольцев? Заключение известно о наших неудачах, так почему же они идут к нам? Я вам скажу почему: потому что на нашем танатодроме отверженные становятся героями!

— Почему же другие заключенные проклинали нас?

— Это парадокс. Они желают нам смерти за гибель своих друзей, но сами готовы к смерти. Когда-нибудь у одного из них все получится. Я уверена.

В Амандине меня восхищало буквально все. Ее холодность, молчание, загадочность, а сейчас и неожиданная горячность...

Эта блондинка в черном, сидящая в моей машине, была как яркое, сводящее меня с ума пламя. Возможно, близость смерти заставила меня острее почувствовать жажду жизни. Впервые я оказался один на один с Амандиной — волнующей, чувственной. Я решил пойти ва-банк. Такого случая больше не представится. Машину подбросило на ухабе, моя рука соскользнула с переключателя скоростей и совершенно случайно оказалась на ее колене. Кожа Амандины была нежна, как шелк.

Она оттолкнула мою руку, словно это была какая-то гадость.

— Сожалею, Мишель, но, честное слово, вы совершенно не в моем вкусе.

Какой же, интересно, у нее вкус?

58. Опять впустую

В четверг, 25 августа, министр науки тайно посетил танатодром Флери-Мерожи. Бенуа Меркассьер хотел лично присутствовать при «запуске». На лице министра читалась озабоченность — не заставляют ли его участвовать в самом безумном эксперименте столетия. И если это действительно так, успеет ли он хоть как-то замести следы, прежде чем ему придется предстать перед судом?

Меркассьер пожал мне руку, невнятно поздоровался и принялся ободрять танатонавтов. Он осторожно поинтересовался, сколько у нас было неудач, и подскочил на месте, когда Рауль шепнул ему цифру.

Потом министр подошел ко мне и отвел в самый дальний угол:

— Может быть, ваши «ракетоносители» слишком токсичны?

— Нет. Сначала я тоже так думал. Но дело не в этом.

— А в чем же?

— Понимаете, у меня такое впечатление, что, когда человек оказывается в коме, у него появляется... Как бы это сказать... Появляется выбор: уйти или вернуться. И до сих пор все решали уйти.

Меркассьер наморщил лоб.

— В таком случае можете ли вы их вернуть силой? Например, более мощными электроразрядами? Когда нужно было спасти президента, мы ни перед чем не остановились. Вставили электроды прямо в сердце!

Я задумался. Мы говорили с ним как два уважающих друг друга ученых. Я обдумал свои слова.

— Не все так просто. Это проблема хронометрии. Мы должны точно знать, когда человек ушел достаточно далеко, но еще не поздно его вернуть. Люсиндери повезло, его, должно быть, вытащили в последнюю секунду. Чистая случайность.

Министр пытался выглядеть компетентным даже в той области, где ничего не понимал.

— Возможно. Тогда попробуйте изменить напряжение, уменьшить количество наркотика, снизить дозу хлорида калия. Может быть, все-таки оживлять их пораньше?

Мы все это уже перепробовали, но я кивал, словно он только что открыл мне великую тайну. В то же время я не хотел вводить его в заблуждение и добавил:

— Они должны сами захотеть вернуться, пока у них есть такая возможность. Я много думал об этом. Мы понятия не имеем, почему они выбирают смерть. Что им сулят на том свете? Узнать бы, что за морковка манит их, и тогда мы могли бы предложить им что-нибудь получше!

— Ваши танатонавты напоминают мне мореплавателей XVI столетия, которые предпочли остаться на райских островах Тихого океана среди прекрасных женщин и ароматных фруктов, вместо того чтобы пуститься в полное опасностей плавание обратно на родину, в Европу!

Действительно, то, что происходило у нас, во многом напоминало историю мятежа на корабле «Баунти». Наши танатонавты были такими же невольниками, как и моряки той эпохи, и так же отчаянно стремились обрести свободу в новых землях.

— Как удержать их от желания умереть? — задумчиво спросил Меркассьер. — Что заставляет людей бороться со смертью, что помогает больным победить болезнь?

— Стремление к счастью, — вздохнул я.

— Да, но что делает их счастливыми? Как повлиять на ваших людей, когда они встают перед выбором: уйти или вернуться? Ведь у них самые разные причины поступать так или иначе!

Когда я работал в больнице, то заметил, что, если пациент неожиданно выздоравливал, дело, как правило, было в том, что он очень этого хотел. Использовал для этого всю свою силу воли. Некоторые люди просто отказываются умирать. В статье о результатах исследования, проведенного среди китайцев, живущих в Лос-Анджелесе, я прочитал, что показатель смертности падал практически до нуля в день, когда они праздновали свой Новый год. Старики и умирающие словно давали себе установку, что должны дожить до праздника и порадоваться. На следующий день число смертей возвращалось на обычный уровень.

Возможности человеческой психики безграничны. Я сам развлекался тем, что приучал себя просыпаться в восемь утра без будильника. И у меня получалось. Я знал, что в закоулках моего мозга скопилось огромное количество информации и нужно только научиться открывать «ящички» в голове, чтобы получить к ней доступ. Наверное, есть много исследователей, увлеченно работающих над проблемой самопрограммирования нервной системы.

Так почему бы не возвращаться из комы, используя одну только силу воли?

К сожалению, в тот день танатонавт решил не возвращаться. Увидев, как он бьется в агонии, четверо его товарищей немедленно отказались от участия в эксперименте. Мы решили больше не рассчитывать на дух соревнования среди танатонавтов. Теперь наши пионеры-первопроходцы будут стартовать поодиночке. Но может быть, уже слишком поздно? Даже здесь, в тюрьме, нам все труднее находить добровольцев.

59. Тибетская мифология

Согласно верованиям жителей Тибета, в буддистском пантеоне есть девять групп демонов:

1. *Гнод-сбйин*: храмовая стража. Насылают великие эпидемии.
2. *Бдуд*: демоны высших сфер. Могут принимать облик рыб, птиц, трав и камней. Их повелитель обитает в черном девятиэтажном замке.
3. *Срин-по*: великаны-людоеды.
4. *Клу*: адские божества в обличье змей.
5. *Бцан*: боги, живущие в небесах, лесах, горах и ледниках.
6. *Лха*: добрые небесные божества белого цвета. Сидят на плечах у каждого человека.
7. *Дму*: злые демоны.
8. *Дре*: посланцы смерти, нередко насылающие смертельные болезни. Все зло, от которого страдают люди, совершается по воле демонов Дре.
9. *Ган-дре*: злые божества.

Отрывок из работы Фрэнсиса Разорбака «Эта неизвестная смерть»

60. Феликс Кербоз

Если говорить начистоту, то Феликс Кербоз был из тех, с кем никто не захотел бы связываться. Хотя у него были, конечно, и смягчающие обстоятельства.

Во-первых, в семье он был нежеланным ребенком. Когда журнал защиты интересов потребителей «Тестируем для вас» обнаружил, что презервативы, которыми пользовался его отец, были надежны только на 96 %, Феликс понял, что появился на свет благодаря четырем процентам брака. Его отец тоже так считал. Тридцать пять лет назад папаша вышел из дома за сигаретами и не вернулся, что свидетельствовало о том, что он воспринял рождение Феликса как личное оскорбление.

Его мать Сюзетт пыталась сделать аборт, но Феликс, хоть и был тогда эмбрионом, уже вцепился в жизнь, как блоха в собаку. Неоднократные попытки совершить аборт на дому привели лишь к тому, что лицо еще не родившегося младенца оказалось обезображено.

Затем мать дважды пыталась утопить Феликса. Однажды она мыла ему голову и попыталась утопить в ванне, но не рассчитала и слишком рано вытащила его из воды. В другой раз Сюзетт столкнула едва научившегося ходить ребенка в реку. Однако Феликс уже привык выпутываться из трудных ситуаций. Он чуть не угодил под винты сухогруза, но отделался шрамом на щеке и добрался до берега, цепляясь за зонтик, которым мать колотила его по голове.

Все детство Феликс Кербоз спрашивал себя, почему все так его ненавидят. Потому что он уродлив? Или завидуют, что у него такая клевая мама?

Феликс долго сдерживался, но, когда Сюзетт умерла, ему снесло крышу. Он понял, что потерял единственного человека, которого любил. Теперь у него осталась только ненависть.

Сначала он кромсал ножом шины ни в чем не повинных автомобилей. Но облегчения не получил. Затем связался с бандитами и начал потрошить богатеньких сынков. У этих счастливиц, кроме денег, были еще и живые мамы! Трое пытались сопротивляться, и он убил их. Так он стал исполнителем самой грязной работы в банде. Но когда его дружки, повзрослев, стали интересоваться противоположным полом, Феликс отказался участвовать в изнасилованиях. Его возбуждало только одно: свалиться какому-нибудь буржую как снег на голову и засадить перо в бок. Так он мстил за любимую мать, которая всю жизнь надрывалась, чтобы поставить его на ноги.

В двадцать пять лет, представ перед судом присяжных, он не смог донести до них, какое наслаждение вонзить длинный и острый нож в мягкий живот ближнего. Увлечение Феликса холодным оружием не нашло у судей понимания. По требованию прокурора его осудили на двести восемьдесят четыре года, оставив возможность сократить срок заключения до двухсот пятидесяти шести лет при условии образцового поведения. Защитник объяснил Феликсу, что это равносильно пожизненному заключению, «если только врачи не найдут способа увеличить среднюю продолжительность жизни, которая сейчас составляет девяносто лет».

Для того чтобы чувствовать себя счастливым, работы с утра до ночи на фабрике, где делали половые щетки из свиной щетины, было маловато. Феликс решил, что выйдет из тюрьмы законным образом. Он идеально вел себя, и ему оставалось сидеть всего двести пятьдесят шесть лет. Как же еще уменьшить срок заключения?

Начальник тюрьмы был человеком на редкость предприимчивым. В наши дни продается и покупается все. Таково современное общество. Если Кербоз хочет, то может купить себе путь на свободу.

— Откуда ж у меня деньги? — заволновался Феликс.

— Кто говорит о деньгах? Здоровье — вот твой капитал!

И началась адская бухгалтерия.

Чтобы скостить срок, Феликс стал испытывать на себе лекарства, выявляя их побочные эффекты, прежде чем эти препараты будут разрешены к употреблению.

С тех пор как под давлением «зеленых» эксперименты на животных были запрещены, приходилось испытывать новые препараты на заключенных.

Феликс зачел себе три года, испытав сердечный дефибриллятор, наградивший его аритмией и бессонницей. Раствор для полоскания зубов со слишком высокой концентрацией фтора испортил ему печень (пять лет зачета). После едкого мыла слезла кожа с суставов (три года). Сверхактивный аспирин вызвал язву желудка (два года). На редкость крепкий лосьон уничтожил половину волос на голове (четыре года). Феликс Кербоз так к этому привык, что даже удивлялся, если некоторые препараты оказывались безвредными!

Когда в тюрьме случился мятеж, он с кулаками встал на сторону охраны (два года зачета). Он сдал администрации торговцев наркотиками, которые безжалостной рукой правили заключенными (три года зачета ценой ненависти со стороны тех, кто страдал от ломки).

— Феликс, ты чего это все время на полусогнутых?

— Отвали. Че хочу, то и делаю. Задумка одна есть. Я отсюда выйду, понял?

— Ну-ну. Жри дальше свою химию, и тебя вынесут вперед ногами.

Каждую субботу Феликс сдавал кровь (неделя зачета за четверть литра). По четвергам выкуривал десять пачек папирос без фильтра по заказу министерства здравоохранения, изучавшего вредные свойства табака (день зачета за пачку). По понедельникам и вторникам проходил испытания в сурдокамере. В белой, совершенно изолированной от внешнего шума комнате он проводил целый день без движения, еды и питья. Вечером приходили люди в белых халатах и выясняли, в какой момент испытуемый потерял сознание.

Так, ценой все новых страданий, Феликсу удалось сократить срок до ста сорока восьми лет. У него осталась только одна работающая почка. Какой-то противовоспалительный препарат сделал его глухим на левое ухо. Он постоянно щурился из-за контактных линз, таких мягких и липких, что их оказалось невозможно снять. Но он не терял надежды и верил, что однажды выйдет на свободу.

Когда начальник тюрьмы рассказал ему о проекте «Парадиз», сулившем двадцать восемь лет зачета, Феликсу даже в голову не пришло потребовать более полной информации. Никто и никогда не делал ему раньше такого замечательного подарка.

Разумеется, в тюрьме ходили слухи, что уже около сотни заключенных сгнули в подвале, где ставили эксперименты, но Феликсу было наплевать. После всего, что ему пришлось испытать, Феликс был уверен в своей счастливой звезде. Другим просто не повезло, вот и все! На нет и суда нет, а за двадцать восемь лет зачета потребуется попотеть, уж будьте покойны!

Он поудобнее устроился в кресле, поерзал, привыкая к электродам, и плотнее подоткнул термоодеяло.

— Готов?

— К вашим услугам, — ответил Кербоз.

— Готов.

— Готова!

Ни молитвы, ни скрещенных пальцев. Феликсу было достаточно куска жевательного табака за щекой. Он ни черта не смыслит в этой научной фигне, и ему вообще на все наплевать. Лучше думать о награде, которая ждет впереди. Двадцать восемь лет зачета!

Как ему и было велено, он стал медленно считать:

— Шесть... пять... четыре... три... два... один... пуск.

И невозмутимо нажал на выключатель.

61. Мифология индейцев Чиппева

Индейцы племени чиппева, которые живут в штате Висконсин рядом с озером Верхнее, считают, что после смерти жизнь продолжается точно так же, как и раньше. Это один и тот же повторяющийся фильм, без цели, морали или смысла.

Отрывок из работы Фрэнсиса Разорбака «Эта неизвестная смерть»

62. Полицейское досье

Рапорт в компетентные органы

В настоящее время Рауль Разорбак вместе с группой ученых проводит эксперименты со смертью. Число жертв уже превысило сто человек. Требуется ли немедленное вмешательство?

Ответ компетентных органов

Нет. Пока нет.

63. Новая попытка

Мы с Раулем и Амандиной использовали привычную, отработанную методику посткоматозного пробуждения. Но я уже сомневался в том, что у нас что-то получится. Один только Рауль внимательно смотрел на тело танатонавта и повторял как заклинание: «Проснись, проснись, проснись».

Мы делали все, что полагается, безнадежно просматривая электрокардиограммы и энцефалограммы.

— Проснись, проснись! — заклинал Рауль.

Громкий вопль вывел меня из ступора.

— Палец! Он пошевелил пальцем! — закричал Рауль. — Отойдите от него! Он шевелится!

Я не хотел поддаваться иллюзиям, но все-таки отступил назад.

Внезапно пискнул электрокардиограф. Один раз. Потом еще один и еще, и наконец уверенно зазвучало: *пин, пин, пин*. Опять шевельнулся один палец. А за ним и другие.

Тело, сидевшее в кресле, пошевелило пальцами. Дернулось плечо, вся рука ожила. Только бы он остался в здравом уме! Впрочем, теперь я всегда держал в кармане халата небольшую резиновую дубинку.

Задрожали ресницы. Глаза приоткрылись. Рот исказился в гримасе, которая постепенно превратилась в улыбку. *Пин, пин, пин* — мозг и сердце вошли в нормальный ритм.

Наш подопытный не был похож ни на «овощ», ни на психа.

Он здоров и телом, и духом. Танатонавт вернулся на танатодром в целостности и сохранности!

— Ур-а-а-а-а! Получилось! Получилось! — вопил Рауль.

Ангар сотрясаясь от радостных криков. Мы втроем обнимались как ненормальные.

Разумеется, первым опомнился Рауль.

— Ну? Как это было? — требовательно спросил он, склонившись над Феликсом.

Мы замерли, жадно ловя первое слово нашего необыкновенного путешественника. Каким бы ни было это слово, оно войдет в учебники истории, ведь оно будет произнесено тем, кто первым вернулся из страны мертвых.

Воцарилась тишина. Мы так ждали этого момента. До сих пор сплошные неудачи, а этот маньяк с походкой питекантропа все тянул и тянул с ответом, которого весь мир ждал целую вечность.

Феликс открыл рот. Вот, вот сейчас скажет. Нет, опять закрыл. Вторая попытка. Он прищурился и с трудом, хриплым голосом произнес:

— А-а... бл...дь.

Мы в изумлении уставились на него. Он потер лоб.

— Ну, бл...дь, во дают!

Он удивленно смотрел на нас, словно не понимал, откуда вдруг такое внимание к его особе.

— Ну что, дали мне двадцать восемь лет зачету?

Мы чуть не набросились на нашего пациента с объятиями и поздравлениями, но вовремя вспомнили, что ему надо прийти в себя. Рауль, однако, упорствовал:

— Как это было?

Феликс потер запястья и заморгал.

— Да как вам сказать... Ну, вылез я, значит, из кожи. Поначалу-то я чуть не наложил. Стал ну прямо как птичка. Блин! Летаю, значит, над собой... Ну! Поднялся вверх, а там все эти... мертвяки свежие, тоже летают. И такие рожи, главное! Мы полетали немного, а потом, смотрю, попали в круг, а он, блин, весь светится. Я такой по ящику видел, тигры через них прыгают.

Он перевел дыхание. Мы жадно ловили каждое его слово. Польщенный таким вниманием, он продолжал:

— Ваще, не поверишь! Ну как от карманного фонарика. Неоновый круг такой, а внутри свет, и этот свет типа говорит со мной. Иди, говорит, сюда. Ну, я и пошел. Бац! — и попал в огненный круг, как тигр в цирке. И пошел на фонарик...

Рауль не смог удержаться:

— На свет в центре, в огненном круге?

— Во-во. Как в мишень полетел. Не знаю, я говорил, у меня это все прямо в башке звучало. Он мне — давай, короче, еще ближе. Типа все будет хорошо.

— И вы туда пошли? — не выдержала Амандина.

— Ну да. И я там вижу, это типа как воронка, а в ней всякие штуковины вертятся.

— Какие штуковины?

— Да разные, какие! Звезды там, пар, струи какие-то странные вертятся в этой воронке. А она здоровая такая, хоть тыщу домов туда запихай.

Рауль ударил кулаком по ладони.

— Континент Мертвых! — воскликнул он. — Он видел Континент Мертвых!

— Продолжайте, прошу вас, — взмолился я.

— Ну вот, я туда ближе, еще ближе, а потом чую — еще малость, и я уже не вернусь. Ну-у, думаю, и на фига я тогда срок скашивал! А свет твердит у меня прямо в башке, что типа это все неважно, что на земле одна суета... Эх! И здоров же он говорить! И тут я чувствую, будто попал в пещеру Али-Бабы, а там полно сокровищ, только не золото-серебро, а всякие приятные ощущения. Хорошо так, тепло, сладко, мягко. Как маму нашел. Это самое... водички бы стаканчик, а? Во рту пересохло.

Амандина принесла воды. Кербоз залпом выпил воду и продолжил:

— Я ничего не мог поделаться, только вперед идти. Блин! Но там вижу, вроде как стенка прозрачная. Не кирпичная, а мягкая, как ж...па. Я так и подумал: я в прозрачной ж...пе. Не, блин, думаю, так дело не пойдет. Если я за эту стенку сунусь, то назад уже не вернусь и прости-прощай мои двадцать восемь лет зачету. Тут я по тормозам.

Значит, я был прав, и они все там вставали перед выбором. Этот парень нашел причину вернуться. Я бы не вернулся.

Феликс вздохнул:

— Это, ваще, нелегко. Сам с собой боролся, чтоб развернуться на сто восемьдесят, вместе с душой-то. А потом вдруг какая-то длинная веревка, белая, вроде как серебряная, меня сюда — раз! И тут уж я гляделки открыл.

Мы были словно на седьмом небе. Все наши жертвы оказались не напрасны. Наши усилия наконец-то принесли плоды. Человек перешел границу смерти и вернулся рассказать о том свете. А что же там, дальше, в этом светящемся и нематериальном мире?

Теперь Феликс потребовал стакан рому.

Меня трясло от возбуждения:

— Надо созвать пресс-конференцию. Люди должны узнать...

Рауль тут же осадил меня.

— Слишком рано, — сказал он. — Пока все должно оставаться как есть: проект под грифом «Совершенно секретно».

64. Люсиндер

Президент Люсиндер поглаживал Верцингеторига. Он был в восторге.

— Так что же, Меркассер? Значит, у них получилось?

— Да. Я своими глазами видел кассету с записью взлета и посадки этого... танатонавта.

— Танатонавта?

— Они так называют подопытных. По-гречески это значит «разведчик смерти» или что-то в этом духе.

Президент прикрыл глаза и улыбнулся:

— Неплохо, совсем неплохо. Очень поэтично. Мне нравится. Похоже на научный термин, но это даже хорошо.

На самом деле Люсиндер ликовал. Неважно, как их называть: некропилоты, смертолетчики, визитеры рая... Смысл все тот же.

Меркассер пытался снова обратить на себя внимание президента. В конце концов, именно он организатор проекта и, стало быть, имеет все основания гордиться успехом. Доверяя, как и прежде, стратегии, которую разработала его жена, он решился сказать:

— По сути, они такие же первооткрыватели, как разведчики Новой Австралии.

— О да, Меркассер! Вы наконец ухватили мою мысль.

Министр пытался объяснить, какие выгоды несет это открытие: президент, обладающий невероятной дальновидностью, войдет в учебники истории. Люсиндер подумал: вот оно — бессмертие. Ему поставят памятники на площадях, назовут улицы его именем... Он уже немало заплатил за это: десятки погибших, почти сотня, но ему удалось осуществить задуманное!

Меркассер прервал его мечты о славе:

— Что делать дальше, господин президент?

65. Учебник истории

Результаты запуска первых танатонавтов превзошли все ожидания. Первый же доброволец, Феликс Кербоз, смог взлететь и вернуться на танатодром. Пионеры танатонавтики были поражены тем, как быстро они добились успеха.

Учебник истории, вводный курс для 2 класса

66. Кельтская мифология

В кельтской мифологии загробный мир — это таинственная область, где нет ни смерти, ни работы, ни зимы. Загробный мир населен богами, духами и вечно юными людьми. Галлы называли эту страну Аннвн. Там находятся котел воскрешения и котел изобилия. Котел воскрешения возвращает к жизни погибших воинов, а из котла изобилия питаются бессмертные.

Для галлов и ирландцев страна Аннвн так же реальна, как наш материальный мир. Существуют магические ритуалы, позволяющие перемещаться из одного мира в другой.

Отрывок из работы Фрэнсиса Разорбака «Эта неизвестная смерть»

67. После праздника

— Хотела бы я быть на месте Феликса.

Обычно сдержанная Амандина не скрывала радости. Я, как и после каждого эксперимента, подвозил ее домой. Мы были слегка пьяны. Наш тайный триумф мы отпраздновали только бутылкой игристого — на большее денег не хватило, но мы чокались пластмассовыми стаканчиками, как хрустальными фужерами.

— Какой фантастический момент мы пережили! Как бы я хотела стать первым человеком, ступившим на Континент Мертвых и вернувшимся обратно! Как бы я хотела быть на месте Феликса!

Я попытался вернуть ее к реальности.

— Все это не так просто. У Феликса была особая причина, чтобы вернуться. Вы же слышали, его тоже притягивал свет. Он колебался, возвращаться ли ему. Феликс сумел это сделать только потому, что отчаянно хотел выйти на свободу именно в этом мире.

Я прибавил газу. За окнами машины в полумраке проносился угрюмый пригородный пейзаж. Я взглянул на Амандину, которая преспокойно пудрила нос. Машина подскакивала на ухабах, но это ей не мешало.

Я начинал лучше понимать Амандину. Рауль как-то рассказывал мне о ней. Эта красивая девушка была очень хорошей медсестрой. Но слишком ответственной. Она работала в больнице, ей было поручено ухаживать за пациентами, и она добросовестно выполняла свою работу. Однако больные иногда умирали, и Амандина не могла с этим смириться. Еще в школе она не выносила, когда ей ставили плохие оценки. Так и в больнице каждая смерть казалась ей еще одной двойкой. Даже если ее больной умирал на операционном столе, она все равно чувствовала себя виноватой.

Коллеги твердили ей, что она тут ни при чем, но Амандина им не верила. Каждая смерть казалась ей новым доказательством ее некомпетентности.

Амандина считала, что люди гибнут из-за того, что им не хватает любви. Она была убеждена, что человек, умирающий от рака, сам сделал шаг навстречу болезни, и только потому, что близкие не смогли научить его любить жизнь.

Амандина старалась любить каждого пациента. Но они все равно умирали, и она упрекала себя за то, что любила их недостаточно сильно.

Разумеется, с таким характером Амандине следовало выбрать другую профессию. Но ее, как и Рауля, неудачи заставляли продолжать попытки — до полной победы или разгрома. Она немедленно откликнулась, увидев объявление о том, что для работы, связанной с уходом за умирающими, требуется трудолюбивая медсестра. Едва Рауль Разорбак упомянул о проекте «Парадиз», как Амандина тут же решила посвятить себя этому начинанию — возвращению умерших в мир живых.

Удивительно, но ее, казалось, совершенно не смущало большое число погибших подопытных на начальной стадии проекта. У нее была странная логика: она могла бы, не дрогнув, убить несколько человек, если бы в далеком будущем это помогло спасти жизни других людей.

— Как бы я хотела быть Феликсом, — повторила Амандина. — Он такой храбрый и красивый.

Я надулся. Зачем так преувеличивать? Храбрый — может быть, но красивый? Этот питекантроп?

— На том свете ему, наверное, пришлось перенести ужасные испытания...

Она сама становилась красивее, когда говорила о Феликсе.

— Что будем делать дальше? — спросил я, чтобы сменить тему.

— Увеличим число запусков. Рауль уже сообщил Меркассеру, что у нас хорошие новости.

Президент хочет поздравить нас лично. Он уже звонил начальнику тюрьмы, чтобы нам подобрали еще сотню кандидатов в отряд танатонавтов.

Амандина была так довольна, словно мы обсуждали не продолжение экспериментов, а серию зажигательных вечеринок.

— Мы победили, — мурлыкала она.

68. Полицейское досье

Фамилия: Кербоз

Имя: Феликс

Цвет волос: редкие, светлые

Рост: 195 см

Особые приметы: высокий, на лице шрамы

Примечание: первый танатонавт, вернувшийся в мир живых

Слабое место: низкий уровень умственного развития

Нам пришлось провести длительное расследование, прежде чем объявить президента Люсиндера величайшим преступником нашего времени, превзошедшим жестокостью Ландрю и Петю^[11]. Президент Люсиндер, глава государства, избранный большинством французов, хладнокровно дал разрешение на убийство людей, которых даже в глаза не видел.

Его жертвы — заключенные, которые хотели только одного: чтобы им дали возможность искупить свою вину. Президент оправдывается: он убивает для того, чтобы изучать смерть.

Оказывается, у нашего президента есть удивительное хобби... Нет, это не гольф, не экзотическая кулинария и даже не нумизматика, это — смерть!

Заручившись поддержкой сообщников — министра науки Меркассьера, безумного профессора биологии Рауля Разорбака, анестезиолога-недоучки Мишеля Пэнсона и медсестры-карьеристки Амандины Баллю, — президент Люсиндер приступил к бесчеловечным экспериментам.

По предварительным оценкам эта «бригада программируемой смерти» уже отправила на тот свет сто двадцать три заключенных, и все это ради того, чтобы наш президент-самодур удовлетворил свое нездоровое любопытство.

Похоже, мы вернулись во времена варварства, когда римские императоры распоряжались жизнью беззащитных рабов. Несчастных убивали сотнями, чтобы проверить, не оживит ли их кусок хитона Иисуса Христа.

В наше время, однако, нет ни императоров (хотя Люсиндер и сравнивает себя с Цезарем!), ни рабов. Во всяком случае, так мы думали до сих пор. Мы были убеждены, что нами руководит всенародно избранный президент, чья главнейшая обязанность — заботиться о благосостоянии народа!

Возмущенный начальник тюрьмы Флери-Мерожи, не в силах выносить того, что в подвалах его исправительного учреждения растет гора трупов, в эксклюзивном интервью нашей газете рассказал о творящихся злодеяниях, и оппозиция тотчас потребовала лишить Люсиндера президентской неприкосновенности. Парламент создал комиссию для проверки изложенных выше фактов.

Большинство опрошенных министров отказываются верить происходящему, но некоторые из них уже пообещали подать в отставку, если комиссия получит неопровержимые доказательства массовых убийств.

Что же касается Меркассьера, то министр науки, не дожидаясь результатов расследования, бежал вместе с женой в Австралию и скрылся там от правосудия.

70. Столкновение с толпой

Эйфория сменилась горечью. Окрыленные удачей Кербоза, мы взлетели, чтобы тут же упасть под градом обвинений и улюлюканье толпы.

Начальник Флери-Мерожи отлично справился со своей задачей. С каждым днем дело приобретало все большую огласку. Газеты начали массированную атаку. Первые полосы пестрели призывами сдать на опыты нас самих. Опросы показывали, что 78 % населения считало, что нас нужно немедленно упечь за решетку.

Началось уголовное расследование. Нас по очереди вызывали в суд. Мне обещали снисхождение, если я дам показания против своих сообщников, но я держал язык за зубами. Думаю, остальным говорили то же самое.

Явившись с обыском, полиция перевернула мою квартиру вверх дном. Они даже полы вскрыли. Можно подумать, я прячу трупы под паркетом!

На собрании нашего жилищного кооператива меня любезно предупредили: «Чтоб к концу месяца духу твоего здесь не было!» Консьержка объяснила, что из-за меня во всем квартале упали цены на недвижимость.

Я не осмеливался выходить из дому. На улице за мной бежали дети и кричали: «Мясник Флери-Мерожи, мясник Флери-Мерожи!» Чтобы поддержать друг друга, мы стали регулярно собираться у Рауля, который относился ко всему происходившему с полной невозмутимостью. Эти мелкие временные трудности не остановят ход Истории, считал он.

Хладнокровие Рауля было тем более удивительным, что его выгнали из Национального центра научных исследований. Его машину взорвал неизвестно откуда взявшийся «Комитет выживших узников». На двери его дома огромными красными буквами было написано: «Здесь жирует мерзавец, загубивший 123 невинные души».

Однажды, когда мы пытались подбодрить друг друга, вспоминая полет Кербоза, в дверь Рауля позвонил мужчина в шляпе, надвинутой на глаза. Это оказался сам президент Люсиндер. Мы познакомились, и он сообщил последние новости. Ничего хорошего мы не услышали. Усевшись во главе стола, как на совещании, Люсиндер сказал:

— Друзья мои, грядет настоящая буря. То, что мы уже пережили, ни в какое сравнение не идет с тем, что нас ждет. Мои друзья переметнулись во вражеский стан и собираются свести со мной счеты. Им нет никакого дела до погибших заключенных, но они страстно желают заполучить власть. Бывших друзей я опасюсь больше всего: они знают, как до меня добраться. Сожалею, что втянул вас в это дело, но мы знали, чем рискуем. Эх, если бы только нас не предали этот прохвост Меркассер и безмозглый начальник Флери-Мерожи!

Итак, президент опустил руки. Я был на грани отчаяния. Рауль же и глазом не моргнул, даже когда булыжник разнес вдребезги еще одно окно в его гостиной. Он налил нам виски.

— Вы все заблуждаетесь. Никогда обстоятельства не были столь благоприятны для нас, — заявил он. — Если бы не эта непредвиденная утечка информации, мы бы все еще возились, как крысы, в тюремном подвале. Но теперь мы стоим на пороге великого дня. Господин президент, весь мир склонит голову перед вашей отвагой и вашим гением.

Люсиндер скептически усмехнулся:

— Что вы, голубчик! Я теперь никто. Не стоит мне льстить.

— Нет-нет, — настаивал мой друг. — Мишель был прав, когда сказал, что надо было как можно быстрее сообщить прессе о наших достижениях. Феликс Кербоз — герой. Он заслуживает известности и признания.

Президент все еще не понимал, куда клонит Рауль. Но я уже догадался и поддержал друга:

— Надо атаковать, а не сидеть в обороне! Все вместе, сообща, против дураков!

Сначала мы напоминали группу подпольщиков, которых вот-вот схватят враги. Но постепенно все изменилось. Да, нас мало, но мы с характером. Может, мы не были гениями, но мы пытались изменить мир. Сдаваться нельзя! Амандина, Рауль, Феликс, Люсиндер — никогда еще я не испытывал такого чувства локтя.

71. Греческая мифология

Греческого солдата Эра Памфилийского оставили на поле битвы, решив, что он убит. Он очнулся в комнате с четырьмя проемами: два выходили в небо, а два другие — на землю. На небо поднимались добродетельные души. На землю спускались тени. Через один проем преступные души отправлялись вниз, через другой поднимались души, покрытые пылью и прахом.

Эр увидел, каким наказаниям подвергали несчастных грешников. Потом он достиг чудесного места, где стояла огромная колонна — мировая ось. В сопровождении душ Эр пришел в долину Леты, где течет река Амелет, воды которой несут забвение.

Тут раздались чудовищные раскаты грома, и Эр вернулся к жизни на погребальном костре, к великому ужасу окружающих. Он поведал, что видел страну мертвых и вернулся оттуда целым и невредимым. Его рассказам никто не верил. Все презрительно поворачивались к нему спиной.

Отрывок из работы Фрэнсиса Разорбака «Эта неизвестная смерть»

72. Полный вперед!

Скандал приобрел совершенно дикие масштабы. Во всех газетах были напечатаны фотографии нашего ангара, который журналисты называли «лабораторией запрограммированной смерти». В холодном свете ламп-вспышек помещение выглядело зловеще, словно пыточная камера. На переднем плане откуда-то возникли окровавленные ланцеты и клещи с прилипшими волосами.

Потом журналисты якобы обнаружили некий «президентский морг». На самом деле это был тюремный крематорий Флери-Мерожи. Тела наших неудачливых танатонавтов уже давно были сожжены, но изобретательные корреспонденты сляпали фотомонтаж с подкрашенными манекенами.

Фоторепортажи были похожи на съемку скрытой камерой. Это выглядело так, как будто нас снимали прямо за работой. Бессовестное надувательство, зато статьи получались гораздо драматичнее. Одному репортеру удалось сфотографировать настоящее самоубийство во Флери-Мерожи. Заключенный повесился уже после того, как нам запретили появляться на танатодроме, но фотография его распухшего лица с высунутым языком и выкатившимися из орбит глазами моментально разошлась по всем журналам. Под снимком несчастного парня, которого мы даже никогда не видели, стояла краткая подпись: «Они потеряли всякий стыд!» Чуть ниже красовались и наши портреты — смотрите, вот его убийцы! Мы подали в суд за клевету, но ничего не добились.

Министры — крысы, бегущие с корабля, — один за другим подавали в отставку. Было сформировано временное правительство. Президента Люсиндера освободили от полномочий главы государства вплоть до завершения расследования.

Меркассер, оставаясь в Австралии, обвинил Люсиндера в том, что тот заставил его открыть проект, несмотря на его сопротивление. Бывший министр науки даже словом не обмолвился о том, что мы добились успеха.

Люсиндер осторожничал и не отвечал на удары. Только раз он появился в популярной телепередаче и заявил, что всех первопроходцев во все века считали преступниками и обливали грязью. Еще он говорил о неизведанном континенте, о завоевании того света, о немислимом прогрессе.

На журналистку, бравшую у него интервью, это не произвело никакого впечатления. Она возразила, что даже если у президента и были полномочия разрешить опыты, связанные с угрозой для жизни, преступники все-таки были людьми, а не морскими свинками.

Жан Люсиндер проигнорировал ее замечание. словно ставя точку, он заявил, глядя прямо в камеру:

— Дорогие телезрители, сограждане, я признаю, что во время опытов погибли люди. Они погибли во имя науки, во имя прогресса всего человечества. Но мы добились успеха! Один из наших добровольцев побывал на том свете и вернулся целым и невредимым. Его зовут Феликс Кербоз. Он танатонавт, совершивший путешествие в царство смерти. Мы готовы повторить этот эксперимент. Если нас постигнет неудача, я отдам себя на ваш строгий суд. Вот что я предлагаю: завтра же моя исследовательская группа совершит новую попытку проникнуть на тот свет перед телекамерами Франции и всего мира. Эксперимент состоится во Дворце конгрессов, в шестнадцать часов.

73. Мифология индейцев Амазонки

Давным-давно люди не умирали.

Но как-то раз одна девушка повстречала Бога старости. Он поменялся с ней кожей, отдал ей свою, древнюю и сморщенную, и получил взамен нежную и гладкую.

С этого времени люди начали стареть и умирать.

Отрывок из работы Фрэнсиса Разорбака «Эта неизвестная смерть»

74. Все или ничего

Шестнадцать часов. Парижский Дворец конгрессов набит битком. Зрители обмениваются газетами и обсуждают новые разоблачения, с которыми то и дело выступают Меркассьер и начальник тюрьмы.

— Люсиндеру конец. Доигрался! Теперь его политическая смерть неизбежна, — говорит один депутат в первом ряду.

— Ну и ну, посмотрите, как они все тут обставили... — задумчиво отвечает второй. — Должно быть, эта старая лиса Люсиндер припас пару козырей.

— Подумайте сами! Это его лебединая песня. За него всего полпроцента голосов, да и то потому, что всегда найдутся полоумные, которые верят во всякую сверхъестественную чепуху.

И оба пожимают плечами.

В слепящем свете юпитеров симпатичная рыжая журналистка вещает перед телекамерой:

— В зале находятся восемь научных экспертов, которые будут наблюдать за всем происходящим и немедленно пресекут любые попытки обмануть зрителей. Некоторые специалисты полагают, что президент Люсиндер собирается использовать двух братьев-близнецов: убить одного, а другого «воскресить». Это старый, известный трюк. Но сцену со всех сторон окружает множество телекамер, и подмену произвести не удастся. Трудно поверить, что глава государства, полностью дискредитированный в глазах общественности, решится на подобный обман!

Ожидая начала шоу, зрители сбивались в группы, спорили, переспрашивали, затевали бурные обсуждения:

— Вы читали статью в «Утреннем вестнике»? Там один ученый доступно объясняет, почему нельзя пережить смерть. «После того как кислород перестает поступать в мозг, начинается его омертвление. Нервные клетки погибают и теряют способность функционировать и запоминать».

— Послушайте, а что там такое насчет выброса в организм какой-то эндокринной жидкости, вызывающей видения загробного мира? Вы этому верите?

Насмешливое фырканье.

— Посудите сами, зачем агонизирующему телу тратить последнюю энергию на создание таких образов?!

В первом ряду двое депутатов поудобнее устроились в креслах.

— Люсиндер захотел войти в Историю, — сказал один. — Что-что, а это ему удалось. Попадет туда через парадный вход! Сто двадцать три убийства на совести!

— Да, интересный будет процесс...

Вспыхнули огни рампы. Посреди сцены стояло обычное стоматологическое кресло, множеством проводов соединенное с огромными мигавшими экранами.

Происходившее в прямом эфире транслировалось более чем в шестьдесят стран. Президент Франции, выставляющий себя на посмешище, — это так же интересно, как рок-концерт или футбольный матч!

Рабочие сцены расставили вокруг кресла восемь стульев для экспертов, назначенных парламентской комиссией. Четыре врача, три биолога и один фокусник-иллюзионист.

Эксперты появились из-за кулис под гром оваций. Зрители бурно приветствовали козлородых старичков-академиков, как будто это были матадоры, вышедшие на арену, чтобы сразиться с быком. Академики чувствовали себя немного не в своей тарелке. Никогда прежде они не оказывались в центре такого повышенного внимания. Кое-кто из них даже стал

здороваться за руку со зрителями. Если бы они могли пообещать зрителям уши и хвост президента, они непременно сделали бы это. Вместо бандериллий они вооружились авторучками и принялись строчить в блокнотах.

В сопровождении теле— и звукооператоров на сцену вышел популярный телеведущий с намаженными волосами. Несколько пробных дублей, и вот вспыхнул красный огонек телекамеры.

— Дамы и господа, добрый вечер и спасибо, что вы опять с нами на канале RTV1. Наш девиз: «Смотри хоть целый день!» Здесь, в зале Дворца конгрессов, атмосфера очень напряженная. Президент Люсиндер ставит свою карьеру на одну-единственную карту, собираясь доказать всему миру, что можно совершать путешествия на тот свет. Накал эмоций достиг апогея. Станем ли мы свидетелями еще одного убийства? Или же это будет эксперимент века? Тревожное ожидание нарастает...

75. Мифология Гренландии

Жители Гренландии считают, что рай находится на дне океана. Там царит вечное лето, и солнце всегда в зените. Те, кто попадет туда, обретут покой и смогут воспользоваться плодами своего труда. Это царство изобилия, где не переводятся собаки, олени, рыба и медведи. Тюлени там уже сварены, их можно сразу есть.

Отрывок из работы Фрэнсиса Разорбака «Эта неизвестная смерть»

Мать непрерывно названивала мне:

— Сынок, не ходи!

Конрад советовал удрать в Аргентину. Но эти доброты лишь подхлестывали мое желание не сдаваться.

Я отвечал, что и речи быть не может о том, чтобы бросить друзей в трудную минуту. Часть ответственности за происходившее ложилась и на меня. Придется отвечать.

— Что ж, если ты туда пойдешь, то и я пойду, — сказала мать. — Я буду защищать своего ребенка зубами и когтями!

Так она и сделала. Ее заметил тележурналист RTV1, искавший, чем бы заполнить затянувшуюся паузу перед началом шоу, и моя родительница открыла свое сердце миллионам зрителей.

— Мишель всегда был очень добрым, помогал всем и каждому. Конечно, у него есть мелкие недостатки, но он ни в коем случае не преступник. Сам президент Франции позволил себе увлечься этими идеями, что уж обвинять в этом моего сына? Мой мальчик оказался замешан в этой истории, потому что чувствовал себя одиноким. Если живешь один, бог знает что в голову взбредет! Если бы он только меня послушал и женился, ничего такого не случилось бы! Просто у Мишеля никакой силы воли. Послушайте, ведь все это из-за горлопанов вроде Разорбака. *(Потом, гораздо тише.)* Как вы думаете, мне разрешат носить ему передачи в тюрьму?

Прилизанный журналист сказал, что понятия не имеет, и вежливо отделался от моей матери.

77. Библейская мифология

Согласно Библии, жизнь Адама можно разделить на двенадцать периодов:

Первый час: образовалась грудa пыли.

Второй час: пыль превратилась в глину.

Третий час: сформировалось тело человека.

Четвертый час: в человека вдохнули душу.

Пятый час: человек встал на ноги.

Шестой час: он дал названия всему, что его окружало.

Седьмой час: у него появилась подруга Ева.

Восьмой час: в два часа дня они прилегли отдохнуть, в четыре встали.

Девятый час: человеку приказано не прикасаться к плодам древа познания.

Десятый час: человек совершил проступок.

Одиннадцатый час: он осужден.

Двенадцатый час: он изгнан из Эдема.

Отрывок из работы Фрэнсиса Разорбака «Эта неизвестная смерть»

78. БЫТЬ или не БЫТЬ

Первым выйти на арену — я хотел сказать на сцену — это, знаете ли... Сердце ушло в пятки. Эксперты отказались пожать мне руку, а позади стояла окаменевшая от страха Амандина. Аудитория взорвалась криками и свистом. Мужчина в рабочей куртке и кепке выскочил вперед:

— Сволочь! Ты убил моего сына!

Я изо всех сил вцепился в микрофон:

— Мы никого не убивали! — закричал я. — Никого! Все заключенные, принимавшие участие в проекте «Парадиз», добровольно приняли участие в эксперименте. Они знали о риске и каждый раз сами, лично нажимали кнопку запуска.

— Запуска? Смерти, а не запуска! Кто захочет добровольно умереть? Есть тут хоть один такой доброволец? — выкрикнул кто-то.

— Смерть убийцам в белых халатах! Смерть убийцам в белых халатах! — скандировали зрители.

Свист усилился, когда к микрофону подошел президент Люсиндер. В него полетели помидоры. К полицейскому кордону, окружавшему сцену, немедленно подтянулось подкрепление.

Президент пытался успокоить возмущенных зрителей. Богатый опыт выступлений на митингах все-таки позволил ему взять верх над толпой.

— Дамы и господа! Друзья мои, — сказал он. — Послушайте! Эксперимент, который мы собираемся провести на ваших глазах, однажды уже увенчался успехом, но в отсутствие официальных экспертов, которые могли бы засвидетельствовать это. Сейчас я отдаю себя на суд нации, на суд всего мира. Если человек, которого мы на ваших глазах отправим на тот свет, оттуда не вернется, я обязуюсь ответить за свои ошибки.

Раздалось еще несколько выкриков, но вскоре наступила гнетущая тишина. Появился Кербоз. Проекторы немедленно взяли на мушку Феликса и его безукоризненный смокинг — новую униформу танатонавта. Его бандитское лицо совершенно не соответствовало костюму английского денди. Феликса привели под конвоем. По его измученному лицу я понял: что-то случилось.

Ведущий немедленно ринулся в бой:

— А вот и Феликс Кербоз, единственный человек, который, по словам президента Люсиндера, совершил невозможное: путешествие в мир мертвых. Он попытается повторить этот подвиг перед нашими камерами в эксклюзивной передаче канала RTV1. Наш девиз: «Смотри хоть целый день!»

Мы обеспокоенно переглянулись. Мы уже достаточно хорошо знали Феликса, чтобы почувствовать, что с ним что-то не в порядке. Может, это толпа так на него подействовала?

Президент хлопнул его по плечу:

— Как дела, Феликс?

Болезненная гримаса исказила лицо Феликса. Телезрители, смотревшие передачу не с начала, подумали, что случайно переключились на фильм ужасов.

— Э-э... Бывало и получше.

— Нервишки?

— Да нет же! — рявкнул Феликс. — Ноготь у меня врос, сука! Всю ночь промаялся.

Президент подскочил на месте.

— Ноготь? Что ж вы раньше не сказали!

Люсиндер хотел устроить Феликсу взбучку, но момент был неподходящий.

— Вросший ноготь — это мне знакомо. Очень болезненно, но это легко вылечить.

— Я наглotalся аспирина, но все равно болит. Достало уже!

Я предложил отложить эксперимент. Если Феликс испытывает боль, он может не захотеть возвращаться в свое тело.

Президент стал спрашивать Кербоза:

— Вы вернетесь, Феликс, обещаете? Я уже подписал указ о вашей амнистии. Если у вас все получится, вы будете свободны, совершенно свободны! Понимаете, Феликс? Вы станете уважаемым гражданином.

Феликса, похоже, это не очень убедило.

Зрители, не зная, что делать — выкрикивать новые оскорбления или аплодировать, — затаили дыхание.

Ведущий объяснил, что президент подбадривает своего подопечного, как тренер перед боксерским поединком.

Мы начали уныло готовиться к эксперименту.

Люсиндер тряхнул Феликса за плечи:

— Вы будете свободны! К вам станут обращаться «господин Кербоз», вы станете богатым и знаменитым! Будете ездить в машине с открытым верхом, люди будут приветствовать вас и забрасывать конфетти, как Нила Армстронга, первым ступившего на Луну!

— Это, конечно, хорошо... Если бы не этот хренов ноготь!..

— Черт возьми! Да после того, как вы проглотили столько отравы, заработали язву, испортили себе кожу, — неужели после всего этого какой-то несчастный ноготь заставит вас отказаться от мечты о лучшей жизни?!

— На том свете так хорошо!.. Я там такой легкий, ничего не болит...

Люсиндер потерял терпение:

— Феликс, жизнь — это не ерунда!

— А что хорошего было в моей жизни? Ничего не могу вспомнить, в том-то все и дело. Что вообще в жизни хорошего?

— Что хорошего? А деньги, женщины, духи, закаты на берегу моря, машины, дворцы? — перечислял Люсиндер. Затем, применив известный прием, он поставил себя на место Кербоза и добавил: — А еще есть алкоголь, наркотики, насилие, скорость... Ну же, Феликс! Вы нужны нам. Сейчас у вас в друзьях президент, замечательные ученые, самая очаровательная медсестра на свете! Кому еще так повезло?! Мы на вас рассчитываем.

Феликс опустил глаза и покраснел, как провинившийся ребенок:

— Да... Я это все знаю. Но там они тоже желают мне только добра. А здесь мне никогда не везло. Ноготь опять же этот... Полный зал злых людей. В этом мире меня мало что радовало. Вообще ничего, если хорошенько подумать.

Люсиндер изумленно уставился на Феликса:

— Вас мало что радовало? Феликс, вы хотите сказать, что никогда... Вы никогда не...

Верзила залился пунцовым румянцем:

— Ну да. Кроме мамы, меня никто не любил, а мама... она ведь там.

Толпа начала терять терпение.

— Смерть обезьяне! — выкрикнул какой-то шутник.

Ведущий попробовал вмешаться:

— Феликс Кербоз! Рост — сто девяносто пять сантиметров, вес — сто килограммов.

Довольно хорошие показатели для его возраста. Судя по тому, что мы читали в прессе, вес и рост никак не влияют на успех перехода от жизни к смерти, но все же лучше, если подопытный

находится в хорошей физической форме.

Амандина слышала разговор нашего танатонавта с президентом. Она подошла к Кербозу:

— Так вы девственник, Феликс?

Тот побагровел. Амандина задумалась на секунду и что-то шепнула ему на ухо. Феликс побледнел, покраснел, на его лице показалось жалкое подобие улыбки. Эти двое были похожи на Квазимодо и Эсмеральду. Феликс не спускал с Амандины глаз. Наконец он опомнился.

— Ладно, давайте. Вроде этот сучий ноготь поутих.

Люсиндер предложил добавить болеутоляющего в «ракетоноситель», чтобы вросший ноготь не отвлекал Феликса, но я отказался: не самое подходящее время экспериментировать с новыми смесями. Только 800 миллиграммов тиопентала и обычный набор препаратов.

Президент Люсиндер отстегнул галстук-бабочку Кербоза, закатал ему рукав и стал прикреплять электроды. Можно было подумать, он всю жизнь только этим и занимался.

— Люсиндер — убийца! Убирайся!

Я подошел и принялся помогать. Мы теперь все были в одной лодке. Амандина сосредоточенно занималась своей работой.

Насмешки летели в нее словно копья, но она знала, что делает. Она настроила электрокардиограф, электроэнцефалограф и слабо улыбнулась, хотя оскорбления так и сыпались на нас.

Весь зал скандировал:

— Убийцы! Душегубы!

Феликс Кербоз дышал все медленнее, как его учил Рауль. Вдыхал носом, выдыхал через рот. Этот метод дыхания был, кажется, придуман для рожениц, чтобы им легче было переносить схватки.

— Все готово! — объявил президент Люсиндер, прикрепив последний электрод к волосатой груди танатонавта.

— У меня тоже, — сказал Рауль, закрепляя датчики пульса.

— Готов! — повторил за ним я.

— Готова! — отозвалась Амандина.

Эксперты подошли ближе, чтобы как следует рассмотреть аппаратуру. Они проверили работу электродов и датчиков, пощупали у Феликса пульс. Иллюзионист простучал ногой сцену, ища замаскированный люк или еще какое-нибудь хитрое приспособление. Потыкал шилом в обивку кресла, чем привел в восторг публику, ожидавшую, что он вот-вот обнаружит тайный ход прямо под нашим креслом. Потом кивнул остальным членам комиссии, и те принялись строчить в блокнотах. Наконец они жестами показали нам, что можно начинать.

В огромном Дворце конгрессов наступила тишина. Казалось, можно было услышать, как летит душа.

— Начали! — рявкнул Рауль, раздраженный враждебно настроенной толпой.

— Ладно, пока, ребята! — сказал Феликс, помахав толстыми, как сосиски, пальцами.

Амандина погладила редкую поросль на его макушке и чмокнула в уголок рта, как раз когда он собирался закрыть глаза.

— Возвращайся! — прошептала она.

Феликс улыбнулся и начал отсчет:

— Шесть... пять... четыре... три... два... один... Пуск!

И, тут же нажав на кнопку, вылетел из этой жизни.

79. Учебник истории

В конце XX столетия словари и энциклопедии давали следующее определение смерти:

СМЕРТЬ — полное прекращение жизни.

Бытовое определение: о человеке говорят, что он умер, если его сердце больше не бьется и он перестал дышать.

Определение, принятое в Америке в 1981 году: индивидуум считается умершим после необратимого прекращения всех функций головного мозга.

Медицинское определение: необратимая остановка сердечных сокращений. Искусственный характер дыхания, поддерживаемого при помощи механического насоса. Полная потеря рефлексов. Исчезновение всех энцефалографических сигналов. Необратимое разрушение структур головного мозга.

Формальности, выполняемые в случае смерти: необходимо сообщить о смерти в ближайшую мэрию. Участковый патологоанатом подтвердит факт смерти и выпишет справку, которую передаст родственникам покойного или сотруднику похоронного бюро. Эта справка вместе с семейной книгой регистрации рождений и смертей должна быть представлена в мэрию, которая в обмен на справку выдаст разрешение на закрытие гроба и погребение. В случае насильственной или подозрительной смерти участковый патологоанатом уведомляет государственного прокурора, который может потребовать проведения аутопсии. Семья покойного не обязана публично разглашать причину смерти. С момента смерти до погребения должно пройти, как минимум, двадцать четыре часа.

Цены на кладбищенский участок: зависят от того, как давно существует кладбище, насколько оно популярно, а также от цен на землю. Стоимость квадратного метра в городах, разумеется, выше, чем в сельской местности.

3000 франков: простой гроб белого дерева. Дополнительно за черное или красное дерево и внутреннюю обивку.

1800 франков: услуги похоронного бюро. Дополнительно по числу привлеченных работников.

3000 франков: аренда катафалка.

4800 франков: ритуальные аксессуары, цветы и различные украшения.

700 франков: мраморная плита.

1000 франков в год: уход за могилой.

200 франков: извещения. Дополнительно за почтовые расходы.

1000 франков: НДС.

1300 франков: муниципальный налог.

200 франков: церковная служба (дополнительно в зависимости от выбранной религии и услуг: месса, хор и т. д.)

Итого: 17 000 франков минимум, без учета стоимости кладбищенского участка.

Учебник истории, вводный курс для 2 класса

80. Ожидание

Вот уже десять минут кардиограмма на экране бежит ровной линией, и ни единого писка энцефалографа!

Верный себе, Рауль Разорбак делал записи в журнале наблюдений: время, температура, показатели сердечной и мозговой деятельности, личные впечатления...

Потом с озабоченным видом он подошел к нам.

— Ну как? — рискнул спросить я.

Он пожал плечами.

Толпа молча смотрела на бездыханного человека, залитого светом прожекторов. Словно мухи над падалью, вокруг кресла крутились эксперты и что-то записывали с многозначительным видом, скрипя авторучками. По правде сказать, они занимались этим, чтобы размять ноги, но, глядя на их лица, можно было предположить самое худшее.

Иллюзионист оказался отличным актером: его богатая мимика выражала все оттенки сомнения и недоверия.

Ведущий RTV1 уже не знал, чем заполнить паузу. Он высказался о погоде, удивительно подходящей для эксперимента, изложил историю Дворца конгрессов, под крышей которого и раньше происходили поразительные события.

Сжав руки, Амандина беззвучно молилась. Я тоже.

81. Скандинавская мифология

Бальдр был добрым скандинавским богом. Сын Одина, он славился красотой и состраданием. Однажды во сне он увидел собственную смерть. Боги были этим чрезвычайно обеспокоены, и его мать, богиня Фригг, обязала все и вся никогда не причинять зла ее сыну. Она заставила поклясться в этом землю, железо, камни, деревья, болезни, птиц, рыб, змей и всех животных.

Убедившись, что Бальдр неуязвим, боги стали развлекаться, швыряя в него разными опасными предметами, которые теперь не причиняли ему ни малейшего вреда.

Случилось, однако, так, что злой бог Локки, завидовавший Бальдру, пришел к Фригг под видом женщины, чтобы выведать ее секрет. И он узнал, что богиня не взяла клятву с одного растения, омелы, которую она сочла слишком нежной и хрупкой, чтобы навредить ее сыну.

Локки уговорил слепого бога Хедра взять это растение и ударить им Бальдра. Направляемый Локки, Хедр смертельно ранил Бальдра стрелой из омелы. Тогда Локки объявил, что никто не может избежать смерти, даже если боги благосклонны к нему.

Отрывок из работы Фрэнсиса Разорбака «Эта неизвестная смерть»

82. Во Дворце конгрессов

Полицейские в штатском, находившиеся в зале по приказу судьи, расследовавшего это дело, все ближе придвигались к сцене. Они не хотели упустить нас после того, как представление провалится.

Вот уже пять минут, как мы безрезультатно пытались при помощи массажа и электрошока вернуть Феликса.

В зале поднялся шум.

Эксперты, с улыбкой переглядывавшиеся после каждого электроразряда, подошли к Феликсу, проверили пульс и с удовлетворением констатировали, что его нет.

Я снял белый халат и в мокрой от пота майке продолжал делать Феликсу кардиомассаж. Мы считали «раз, два, три», я обеими руками давил на грудную клетку в области сердца, а Рауль ручным насосом вдвух Феликсу воздух через ноздри, чтобы возбудить респираторную активность.

Полицейские подошли еще ближе.

— Раз, два, три! Ну же, верь в себя, верь в себя! — повторял мой друг.

Он был прав. Надо верить. Можно держать руку в огне, если верить, что ты неуязвим. Он мне это уже показывал.

Плюнув на то, что происходило вокруг, мы выбивались из сил, делая все, что только можно. Чем сильнее нас охватывало отчаяние, тем энергичнее мы действовали. Толпа, казалось, не обращала на нас внимания. В зале слышался ровный гул разговоров, а иногда даже смешки.

Еще мгновение, и гул превратился в рокот.

Полицейские выстроились позади нас цепью, чтобы не дать удрать за кулисы.

С верой горы своротишь, так отчего же не получается сделать крохотное, маленькое чудо, не удастся вдохнуть жизнь в этот кожаный мешок, наполненный кровью и внутренними органами?

— Если в этом мясе есть хоть одна живая клетка, она меня услышит, — шипел Рауль. — Эй! Эй, ты! Держись! Раз-два-три, раз-два-три!

И снова надавил на грудную клетку Феликса.

— Черт тебя побери, Феликс, очнись! Не валяй дурака! — закричал я.

На сцену поднялся полицейский. Мы, очевидно, были похожи на буйнопомешанных, издающихся над трупом на глазах телезрителей.

— Раз, два, три! Да очнись же, Феликс, чтоб ты провалился!

Полицейский вытащил наручники.

— Раз, два, три! Феликс, боже мой, не подведи нас!

Восемь экспертов констатировали смерть. Мухи на раздавленном фрукте.

Полицейский схватил меня за руку. Я услышал, как защелкнулись наручники, а потом слова: «Именем закона! Вы арестованы за убийство путем отравления».

Вот уже и Рауль с Амандиной в наручниках, но пока никто не осмеливался подойти к президенту Люсиндеру.

— Смерть! Смерть танатонавтам! — восторженно вопили зрители, видя главу государства в таком переплете.

Видимо, нет ничего слаще, чем лицезреть вождя по уши в грязи.

— Смертную казнь танатонавтам!

Мой брат, сидевший в первом ряду, воскликнул: «Я тебя предупреждал!» Мать пыталась успокоить зал. Начала она со своих соседей, потом пошла по рядам.

— Мой сын здесь ни при чем, остановитесь! Вы ошибаетесь, мой сын ни при чем! Его обманули!

Она уже все придумала. Позже, на процессе, она вытащит мой дневник, чтобы доказать, каким я был послушным мальчиком. Кроме того, она уже купила новое платье.

Полицейские окружили нас, чтобы провести через зал, сквозь бесновавшуюся толпу, которая оскорбляла нас и плевала нам в лицо. Как же все-таки неприятно стоять в наручниках, когда в тебя плюют! Кто-то швырнул в меня тухлым яйцом и попал прямо в лоб. В Амандину полетел помидор. Раулю тоже досталось яйцо, еще более зеленое и вонючее, чем мое.

Президент Люсиндер окаменел. Он забыл о нас, о Феликсе и думал только о том, как он ошибся, пав жертвой иллюзий. Как жаль... Он так хотел стать знаменитым, но теперь все кончено. Он уже не узнает той радости победы, которую испытал Цезарь под Алезией. Последний бастион — смерть — оказался неприступным.

Журналист RTV1 велел телеоператору показать крупным планом застывшее лицо Феликса. В нескольких сантиметрах от него поставили лампу и принялись снимать мельчайшие поры и крошечные волоски, обгоравшие под мощным светом.

Конец ознакомительного отрывка книги

[Скачать полный вариант книги](#)